

№4
Апрель 2013

ТАССОВСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДЖИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4⁽⁹⁰⁾
Апрель 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЭКВТИМЕ – БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
- 10 ДЖАЗОВЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
- 12 ВСЕ УШЛИ, А Я ОСТАЛСЯ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 16 БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ОТ СОФИКО
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 19 ВСПОМИНАЯ ВЭНА КЛАЙБЕРНА
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 20 САМЫЙ ВАЖНЫЙ ТОСТ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 22 ЖИЗНЬ КАК ОБЯЗАННОСТЬ ИГРАТЬ В WATER POLO
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 26 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 31 РЫЦАРЬ УШЕДШЕЙ ЭПОХИ
ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО
- 34 ЧИСТЫМ ИМЕНЕМ НАЗОВИ
ЮЛИЯ СИВЕРСКАЯ
- 36 ВЕРНОСТЬ ВЫБОРА
МЕРАБ ГУДУШАУРИ
- 38 ЗА СТЕНОЙ СТОИТ АПРЕЛЬ...
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 40 НЕПРОТОРЕННЫМ ПУТЕМ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 44 МЕНЯ УЧИЛИ МАСТЕРА
РОМУАЛЬД ЦУХИШВИЛИ
- 47 ИСПЫТАНО ВРЕМЕНЕМ
СОФИЯ ЧИТОРЕЛИДЗЕ
- 50 ПРАВИЛА ЖИЗНИ
ГЕНРИЕТТА ЮСТИНСКАЯ
- 51 И Я ТАМ БЫЛ...
АРЧИЛ МАНДЖГАЛАДЗЕ
- 54 НЕЗАБВЕННЫЙ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

На обложке – Андрей Макаревич
Фото Александра Сватикова

ОТ ДО

ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН

Он был отважен, но не бороздил морей – только дважды пересек Атлантический океан из Старого Света в Новый и обратно, да и то пассажиром второго класса. И капитаном он был пехотным, да и то не капитаном, а первым лейтенантом американской армии – три года воевал в Мексиканской войне 1846-1848 гг. Капитан Майн Рид – это его литературный псевдоним. Кстати, и американцем он тоже не был – родился в шотландской семье в ирландской столице Дублине, а большую часть жизни прожил в Лондоне, где жил, работал, печатался и был похоронен. Хотя все в мире убеждены, что он – американский писатель, ведь в его приключенческих романах рассказывается как раз про Америку. В Новый Свет он в молодые годы ненадолго попал в поисках лучшей жизни, а потом в зрелости неудачно попытался устроиться в Нью-Йорке – но жене-англичанке там не понравилось. Так и не получившись американцем из знаменитого писателя Томаса Майн Рида, которому 4 апреля исполняется 195 лет. По справедливости сказать, и писателем он был не таким уж искусным – скорее беллетристом. В текстах его многочисленных произведений не встретишь ни изящных точных деталей, ни сложных

характеров, ни поэтических описаний. Писал про приключения сильных и ярких людей для детей и юношества, а писательское мастерство ему заменял потрясающий талант рассказчика, когда у юного читателя захватывало дух от волнения за благородных героев. Как не вспомнить его гениального «Всадника без головы». Майн Рид был безумно популярен в России и в Советском Союзе. Еще Аверченко говорил, что «мальчик без Майн Рида, как цветок без запаха». А вот на родине в Англии и в Соединенных Штатах его прочно подзабыли. Но скажем, справедливости ради, что недавно стали его переиздавать, а то уж больно неромантические дети у них растут.

ГЕНИАЛЬНЫЙ МУЗЫКАНТ, КОМПОЗИТОР И ... АВИАСТРОИТЕЛЬ

Биографию нашего героя можно прочесть в бесчисленных монографиях, в проспектах пластинок и дисков, или в Википедии. А мы в его юбилей вспомним одну историю.

В далеком 1923 году промозглым осенним вечером молодой русский эмигрант в потертом пальто стоял перед шикарным концертным залом и думал, куда потратить последние двадцать долларов, на хлеб или на билет. Афиша у входа гласила, что сегодня дает единственный концерт гениальный русский маэстро Рахманинов. Молодой человек не удержался и скоро сидел на галерке, наслаждаясь музыкой знаменитого второго рахманиновского концерта. А после решил пройти за кулисы и поблагодарить за удовольствие. Рахманинов, услышав русскую речь, обрадовался незнакомцу, обнял его и пригласил в гримерку, где предложил выпить по-русски за встречу. И стал спрашивать, как у того дела. Эмигрант засмутился, но все же рассказал, что он инженер-авиаконструктор, но здесь устроиться не может – никому не нужен. На что Сергей Васильевич вскользь между стопками спросил сколько нужно, чтобы открыть свое дело. «Пятьсот долларов» - запнув-

шись ответил инженер. «Вот тебе пять тысяч. Это мне столько заплатили за сегодняшний концерт. Я сейчас вполне прилично живу, и это не последнее. Сможешь – отдашь, а не сможешь – отдашь». Авиаконструктор был сражен наповал и потребовал, чтобы композитор согласился стать вице-президентом его будущей фирмы. Рахманинов рассмеялся от души и вновь наполнил стопки. Так познакомились два русских гения Рахманинов и Сикорский. К слову сказать, Игорь Иванович сумел вернуть эти немалые по тем временам деньги, даже с процентами. А великий русский композитор и пианист Сергей Рахманинов, прославивший российскую музыкальную школу во всем мире, до самой смерти состоял в совете директоров знаменитой вертолетной фирмы Сикорски Эйркрафт. Это редко, когда беспорный гений оказывается еще и очень хорошим человеком. Во время Великой Отечественной войны он посылал в Советскую Россию деньги от своих выступлений, чтобы хоть чем-то помочь сражающейся родине. Первого апреля исполнилось 140 лет со дня его рождения.

АВТОР «ТУМАННОСТИ АНДРОМЕДЫ»

Великий английский писатель-фантаст Герберт Уэллс назвал вождя мирового пролетариата Владимира Ленина «кремлевским мечтателем». Но истинным мечтателем был не жесткий кремлевский прагматик, а родившийся с ним в один день, а именно, 22 апреля, ученый-палеонтолог и геолог, доктор биологических наук Иван Антонович Ефремов, известный нам как автор изумительной фантастической утопии «Туманность Андромеды». Прожив жизнь в геологических изысканиях, этот человек тем не менее находил время для литературных упражнений, к которым он сам относился не слишком серьезно. Но именно они сделали его известным любому русскоязычному школьнику. Невзирая на коммунистические убеждения автора, его проза до сих пор свежа, актуальна и интересна. Такой уж, видно, искренний и вдумчивый он был человек.

ВЕЛИКИЕ ДЕЛА ОТЦА И СЫНА

Очень был умен великий русский князь Ярослав Мудрый. И землю оберегал, и народы уму-разуму учил, и оставил интересные литературные памятники. И все бы было хорошо – только поделил он древнюю Русь между своими детьми. С этого и начались русские беды. К моменту рождения его внука Владимира Всеволодовича, прозванного Мономахом в честь другого деда – византийского императора Константина – Русь была поделена на девяносто одно княжество. И правили ими ближние и дальние родственники, яростно конкурируя между собой и ведя кровопролитные сражения. Немудрено, что разрозненная Русь становилась лакомым куском для агрес-

сивных соседей – степняков. Владимир Мономах стал Великим Князем в довольно позднем возрасте, но сумел сплотить страну и подарил ей еще сто двадцать лет передышки до монгольского нашествия. Но прежде чем стать Великим Князем Киевским Владимир Мономах заслужил авторитет у всех без исключения князей как выдающийся военачальник и примиритель в спорах.

910 лет назад, 4 апреля 1103 года состоялась знаменитая битва объединенного войска русских князей под командованием Мономаха с половцами на месте урочища Сутень, где сейчас находится город Запорожье. Половцы этой битвы не хотели – они чувствовали силу русского оружия, и за два года до этого заключили с Мономахом мир, который тот подписал с оговоркой, что действует до «первого вероломства». Половцы, естественно, не удержались и совершили набег на русские владения, чем развязали Мономаху руки. Он применил необычную для того времени военную тактику – выставил против легкой половецкой конницы плотный пеший строй хорошо вооруженных ратников, прикрытых щитами. Половецкие всадники накатывались как волна и отлетали обратно от копий, теряя лошадей и потихонечку обессиливая, после чего с флангов ударила отборная конница

дружинников. Мало кто из половцев сумел спастись бегством. Это была великая победа.

А спустя ровно 44 года, также 4 апреля, далеко на северо-востоке от киевских земель в лесной глубинке у села Кучково, что около Боровицкого холма, сын Мономаха Юрий Владимирович, прозванный Долгоруким, встретился со своим кузеном Святославом Ольговичем, чтобы заключить военный союз. А место встречи настолько ему понравилось, что вскоре он основал там город-крепость, названный по имени реки – Москвой.

СОЗДАВШИЙ НОВУЮ ФИЗИКУ

Когда мальчик Макс из приличной семьи юристов и ученых, очень внимательно относившихся к воспитанию своих детей, пришел к профессору-физику Филиппу Жолли и заявил, что будет физиком-теоретиком, то фон Жолли посоветовал ему не портить себе жизнь, а заняться чем-нибудь другим. По его словам выходило, что теоретическая физика потихоньку отмирает – все уже открыто. Юный Макс Планк этому не поверил. И спустя тридцать лет он стал одним из создателей новой физики, и постоянная Планка – это основная константа всей квантовой теории. Кста-

ти, нобелевский лауреат Макс Планк одним из первых поддержал теорию другого нобелевского лауреата Альберта Эйнштейна и предложил назвать ее «теорией относительности». На его могильной плите выбито только его имя и численное значение постоянной Планка. 23 апреля ему исполняется 155 лет.

КРАСНЫЙ И БЕЛЫЙ

Ровно 130 лет назад с разницей в три дня родились два выдающихся русских военачальника времен гражданской войны – Семен Буденный и Владимир Каппель. Эти два воина служили по разные стороны линии фронта: Буденный – за красных, Каппель – за белых. Каждый из них оказал большое влияние на сподвижников. Каппелевская дивизия до самой его смерти слыла непобедимой, как и конармия Буденного. Но судьбы их сложились по-разному: Каппель умер в 37 лет от воспаления легких, провалившись в мороз под лед, когда спешил спасти арестованного в Иркутске Колчака, а Буденный сделал сказочную карьеру, стал од-

ним из первых пяти советских маршалов и до самой смерти заседал в Президиуме Верховного Совета СССР.

ПЯТЬСОТ БУМАЖНЫХ КОРАБЛИКОВ

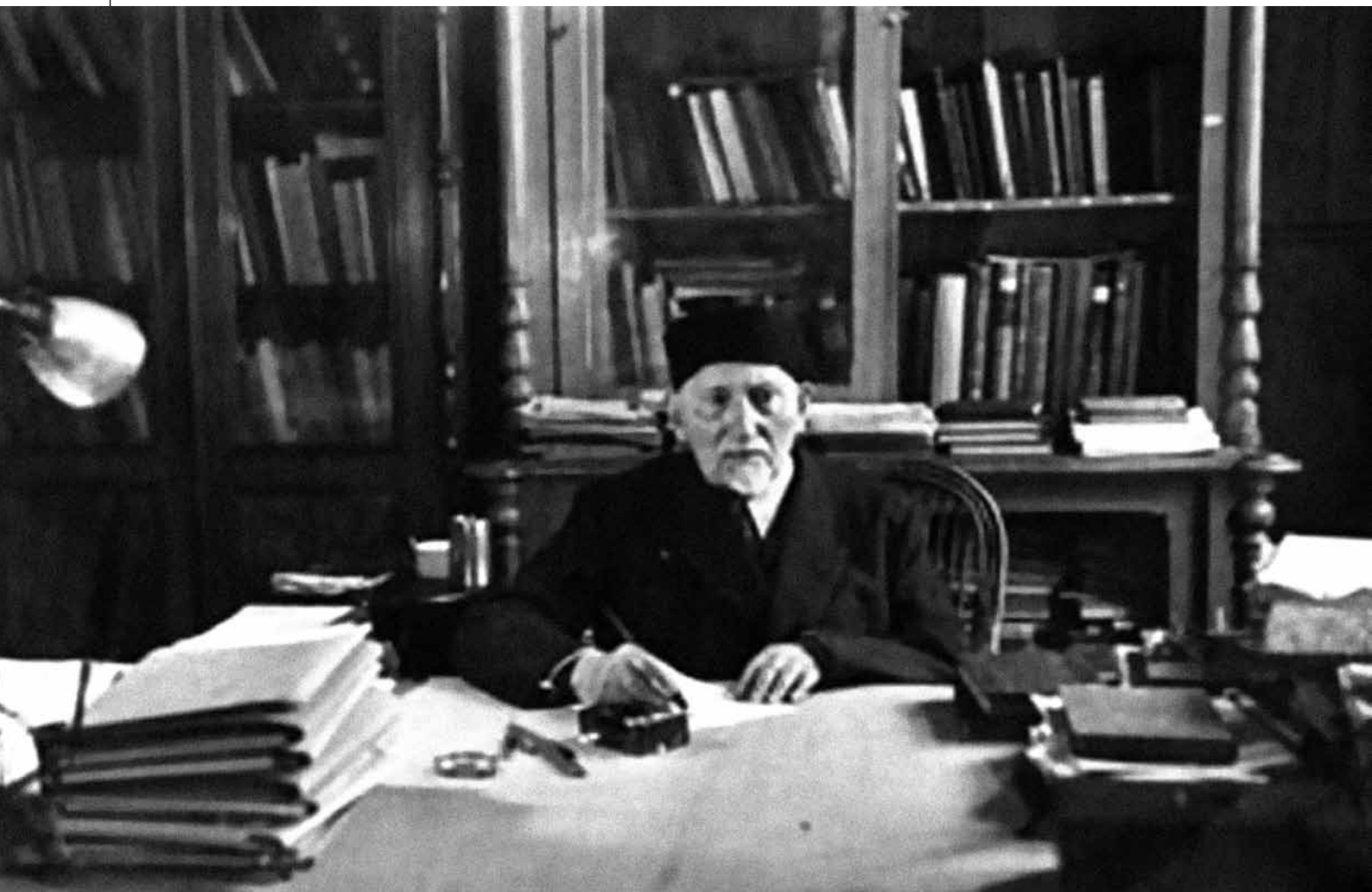
Никогда еще в истории литературный герой не был так похож на своего создателя. Завсегда пражских кабачков, веселый болтун и враль, шут и остро слов, не относившийся ни к чему серьезно – в том числе и к своему таланту – этот портрет описывает и автора, и его персонажа. Чем только оба они ни занимались – все делали не всерьез, спустя рукава и совершенно жупильнически. Если продавали, скажем, собак – то это обязательно были перекрашенные под породистых дворняги. Они были заведомо полицейскими участками, и родственники замучились их оттуда выкупать. Оба были отъявленными уклонистами от воинского призыва, а попав в армию, без конца убегали в самоволки, дурили начальство, бездельничали и совсем не собирались воевать. Речь идет о бравом солдате Йозефе Швейке и его отце-создателе Ярославе Гашеке.

Ярослав Гашек, великий насмешник, даже свое недолгое пребывание коммунистом, находясь в плену, в Советской России превратил в уморительный эстрадный номер – «Как я был красным комиссаром» знала вся Прага. Даже полиция, которая должна была следить за столь неблагонадежным типом, и та не относилась к нему всерьез. Своего Швейка, который обессмертил его имя, он тоже писал между делом. А своим настоящим делом он считал посещение питейных заведений – не менее десяти за вечер, где, правда, выпивал не более трех кружек пива в каждом. Однажды друзья, отчаявшись усадить его за продолжение романа, просто заперли Гашеку в квартире, оставив немножко еды и стопку бумаги в 500 листов. Когда они пришли через несколько дней, в доме было открыто окно, съедена вся еда, а на полу и столе лежали 500 бумажных корабликов. Яцек, естественно, был в кабаке.

Роб АВАДЯЕВ

▲ Эквтиме Такайшвили

ЭКВТИМЕ – БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

*В апреле исполняется 150 лет со дня рождения Эквтиме Такайшвили. Юбилейной дате выдающегося грузинского ученого и общественного деятеля посвящается статья академика **Роина МЕТРЕВЕЛИ**.*

Эквтиме Такайшвили – образец самоотверженного бескорыстного служения отчизне. Он выступил на общественном поприще в 1880-е годы и стал рядом со славными представителями историографии, которые развернули плодотворную кропотливую работу по собиранию, научному изучению и изданию множества разнообразных источников национальной истории. Он первый привлек к служению родной истории богатейший документальный материал, эпиграфику, дотоле неизученные рукописи, памятники материальной культуры и заложил прочный фундамент развитию грузинской исторической науки.

Э.Такайшвили родился 3 января (по старому стилю) 1863 года, рано потерял родителей. Семилетним его определили в Озургетское уездное училище, потом он поступает в Кутаисскую гимназию, по окончании которой едет в Петербург и становится слушателем историко-филологического факультета университета, отличаясь прилежанием. В 1887 году заканчивает Петербургский университет и возвращается на родину. В 1887-1894 гг.

преподает в дворянской школе и классической гимназии Тифлиса греческий и латинский языки, историю, географию. В 1894-1904 гг. руководит дворянской гимназией. «В то время, - пишет он, - я уже определил главную цель моей работы – собрать исторический и археологический материал, приложить все силы для спасения и сохранения памятников, как можно больше их вынести на свет и сделать доступными для исследователей – вот что я считал наиважнейшим делом для истории нашей культуры... веря, что среди нас появятся ученые, которые... соберут историю Грузии, высветят ту действительно великую культуру, которую достигла грузинская нация уже в далеком прошлом».

Э.Такайшвили еще в бытность студентом Петербургского университета заочно избрали членом правления грузинского «Общества распространения грамотности». Благодаря его неисчерпаемой энергии собирались бесценные старинные книги, грамоты, различные древности. Он источниковед и археограф, исследователь эпигра-

фики, археолог, работающий на раскопках, неутомимый исследователь грузинской литературы и народной словесности, исторической географии и истории грузинского права.

Основанное им в 1907 году «Историческое и этнографическое общество» внесло весомый вклад в развитие научной и культурной жизни Грузии. Целью Общества было изучение памятников истории и искусства Грузии, жизни и быта грузинского народа. Эвктиме Такашвили объединил вокруг себя виднейших представителей интеллигенции (Важа Пшавела, Акакий Церетели, Иванэ Джавахишвили, Александр Цагарели, Закария Паляшвили, Димитрий Аракишвили, Якоб Гогебашвили и многие, многие другие). Каждый просвещенный грузин считал своим долгом стать членом Общества и внести посильный вклад в общее дело. Разносторонняя научная деятельность Общества создала ему большой авторитет. Общество выпустило в свет две серии «Древней Грузии» и «Грузинских древностей». В «Древней Грузии» публиковались исследования, рефераты и различные исторические и этнографические материалы. В «Грузинских древностях» же – грамоты, исторические статьи и различные акты.

Э.Такашвили часто выступал перед аудиторией с научными докладами. В каждой его работе проявляются огромная эрудиция, глубокое знание материала, скрупулезная точность и честность большого ученого и гражданина.

Его глубокий по научной мысли и содержащий весьма значительные данные труд «Материалы по археологии Кавказа» сразу же привлек к себе внимание научной общественности. Российское Императорское Археологическое Общество дало высокую оценку этому труду, и 28 марта 1911 года наградило его автора Большой медалью.

Велик вклад Э.Такашвили в дело основания Грузинского университета. Вместе с Иванэ Джавахишвили

он был избран в комиссию «Общества Грузинского университета». Открытие университета состоялось 26 января 1918 года. Лекции по археологии читал Такашвили, и нельзя не отметить то огромное внимание, которое он уделял этому делу. 21 мая 1918 года Совет Университета присудил ему ученую степень доктора. К 1920 году относятся лекции Такашвили о древностях Грузии. Он вел три лекционных курса. Кроме того, читал эпиграфику и историю церквей и монастырей. Одновременно с работой в университете он много путешествует по провинциям Грузии и собирает материалы.

Для Эвктиме Такашвили и его современников слово «археология» имело обширное значение. Оно включало описание храмов и церковных книг, прочтение и описание надписей, археологические раскопки. Столь широкий охват кропотливых и трудных работ, естественно, требовал от ученого незаурядной мобильности и здоровья. Несмотря на свою хромоту (следствие перелома ноги в детстве), Такашвили не оставил ни одного уголка Грузии, который не обошел бы пешком и не изучил, не описал исторические памятники. Потому так драгоценны для нас его археологические путешествия. «Одним словом, с той поры как сделался я членом «Общества» («Общество распространения грамотности» – *Р.М.*), огляделся и понял, что нет рачителя этих бесценных рукописей и волей-неволей начал о них заботиться. Дело это постепенно увлекло меня, я полюбил его и начал спасать рукописи от гибели, вместе с тем собирал их. Теперь уже я не ограничивался пожертвованиями и приобретал их на средства Общества», - вспоминал Э.Такашвили.

Его первое археологическое путешествие состоялось 17 февраля во Мцхета, куда повез его Димитрий Бакрадзе. Их целью было привезти рукописные книги. В хорошем состоянии оказались рукописи лишь в Светицховели, и они доставили их в Тбилиси. В дальнейшем Э.Такашвили уже самостоятельно совершает свои экспедиции, которые увенчались изданием в 1890 году книги «Три хроники», произведшей огромное впечатление на общество. Ученый был глубоко уверен, что среди грузин появятся исследователи, для которых его труд окажется полезным.

В результате систематических поисков и исследований на протяжении нескольких десятилетий Эвктиме Такашвили обнаружил множество совершенно неизвестных ранее значительных памятников. Огромное значение имеют найденные им старинные рукописи «Вепхисткаосани» - руставелевского «Витязя в тигровой шкуре». Он собрал 17 рукописей, некоторые из них особо интересны как вариантами, так и художественным оформлением. Им также собраны сведения о двадцати четырех рукописях. Из собранных старейшая была датирована 1646 годом. «Общество» приобрело ее у некоего Коринтэли. Среди материалов, приобретенных «Обществом», есть рукопись, выполненная в 1680 году для Георгия XI его секретарем Бегтабегом. Она выделяется богатством украшений на полях. «Если отнести в любой из музеев Европы, несомненно дадут миллион», - говорил об этом списке Такашвили.

Одной из важных находок ученого было обнаружение рукописи «Уложение царского двора». Она была найдена во время одной из экспедиций в Картли, в разоренном доме. В мае 1920 г. она вышла в издательстве Тбилисского университета с предисловием Э.Такашвили. Значение этой рукописи для нас велико, несмотря на то, что она сохранилась не полностью. Это руководство для придворных, представителей власти и для чиновников и всех служащих, сборник законов по управлению страной, установленных различными грузинскими царями.

Особо важное значение имели экспедиции Эвктиме Такашвили в Южную, т.н. турецкую Грузию (эта часть исторической Грузии ныне находится в пределах Турции). По административному делению дореволюционной России это были два округа Карсской области Артаани и Ол-

тиси и малая часть Батумского округа. Э.Такаишвили совершил три экспедиции в турецкую Грузию. Первая была в 1902 году. В ней участвовали архитектор Симон Клдиашвили и фотограф Александр Мамучаишвили. Они исследовали некоторые памятники Ахалцихе и Ахалкалаки, памятники Артаани и частично – Олтиси. Вторая экспедиция была организована в 1907 году. В ее состав вошли архитектор Анатолий Кальгин и фотограф-любитель Эдуард Лиозен. Были исследованы памятники района Кола и закончилось изучение памятников Олтисского округа. Третья экспедиция состоялась в 1917 году. Исторические памятники, которые были рассыпаны по всей территории Грузии, ждали своего исследователя, и Такаишвили не жалея сил и энергии взялся за дело. Он вспоминает: «Я исходил всю Грузию и увидел воочию, какой огромный материал обречен на забвение и зачастую на гибель. Мною овладело фанатическое стремление успеть сделать как можно больше, тем более что никто из моих современников не занимался этим».

Самой значительной и интересной из экспедиций Такаишвили была в 1917 году в Южную Грузию. Ее осуществило «Историческое и этнографическое общество». К участию были приглашены гражданский инженер Алексей Кальгин, художники Димитрий Шеварднадзе, Илья Зданевич, Ладо Гудиашвили и Михаил Чиаурели, впоследствии знаменитый грузинский кинорежиссер. Такаишвили осмотрел и описал в верхней части ущелья Тортуми Экекский храм и южнее его церковь в селе Сохтороти, хорошо известные в нашей истории церковь четырех, церковь Пархли и др. В те времена путешествовать транспортом было почти невозможно, тем более по такой гористой местности, где наши предки воздвигали церкви и монастыри. Как же любил родную историю и культуру этот человек, который, невзирая на большую ногу, пренебрегая всеми препятствиями добивался поставленной цели.

В 1921 году, с установлением советской власти в Грузии, меньшевистское правительство бежало в Батуми, чтобы оттуда морем выехать в Европу. Вместе с тем, было сделано распоряжение все музейное имущество упаковать в ящики и вывезти из Грузии. Хранителем

музейных сокровищ Учредительное собрание назначило Такаишвили. Тяжело было ученому покидать родину, но он понимал, что без соответствующего внимания и заботы духовные и материальные памятники культуры грузинского народа могли быть навсегда потеряны для Грузии. 11 марта 1921 года Такаишвили покинул родину и долгое время вынужден был находиться в эмиграции. Официальным владельцем грузинских сокровищ считалось меньшевистское правительство в изгнании.

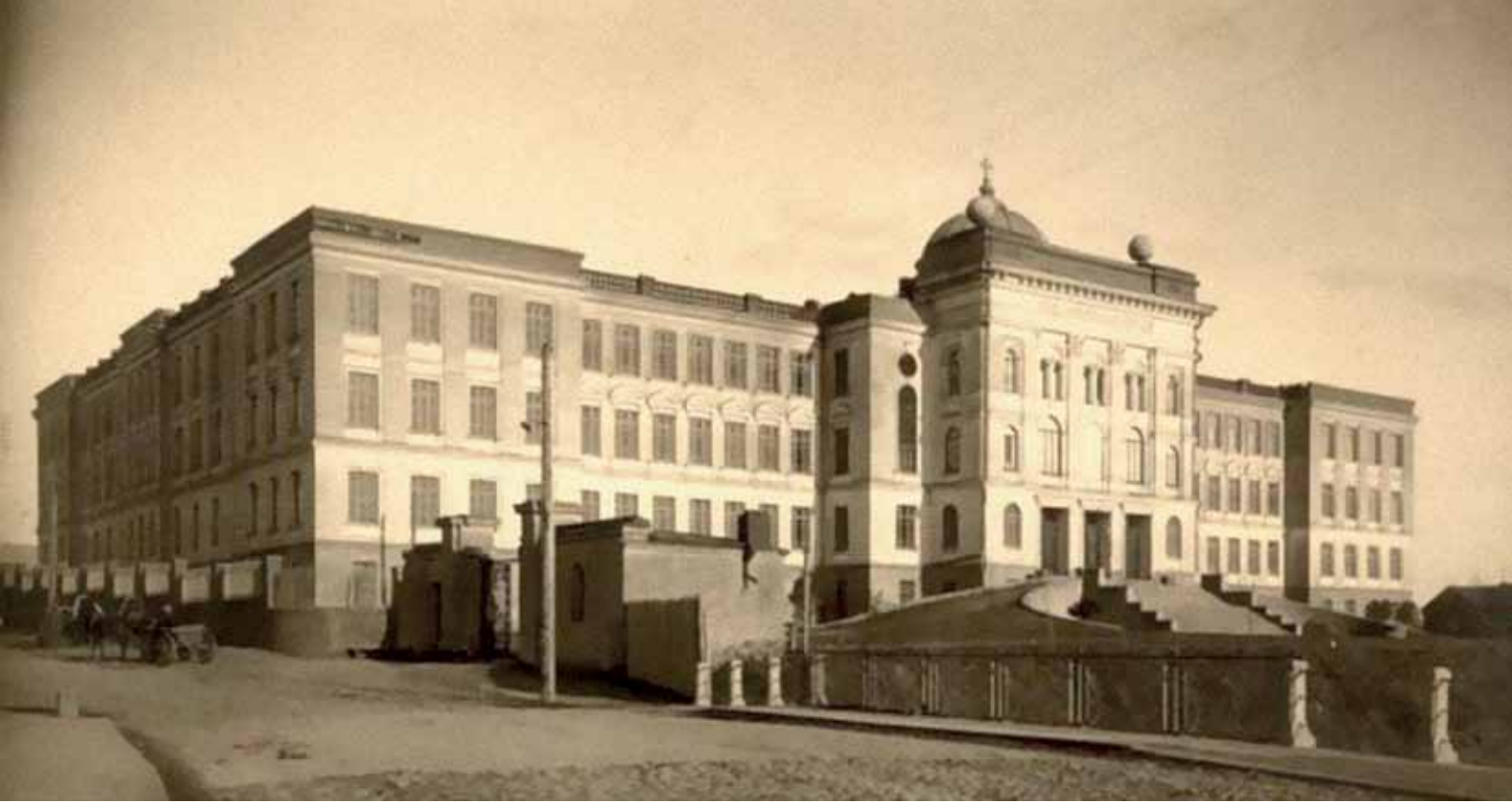
▲ Икона Святого Эквтиме

клад состоял из неопикуемых сокровищ. Здесь были драгоценности тбилисских музеев: изделия из золота и серебра, с драгоценными камнями, редкие рукописи, картины из Национальной галереи, сокровища Зугдидского дворца Дадияни, имущество Гелатского и Мартвильского монастырей, сокровища тбилисского дворца, имущество русских церквей, казны, Боржомского дворца (включая богатые библиотеки) и многое другое. Увозящими клад не забыты были и серебряные короны, украшавшие гроб Давида Сараджишвили, известного грузинского промышленника и мецената.

Полномочный представитель правительства Франции и верховный комиссар в Закавказье Абел Шевалье поместил грузинский клад на французский крейсер «Эрнест Ренан». И даже умудрился отправить крейсер раньше назначенного часа, вследствие чего Эквтиме Такаишвили и его супруга Нино, которая ехала вместе с ним, опоздали к отплытию. Эквтиме нанял катер и последовал за крейсером. В константинопольском порту, куда пришли крейсер и следом за ним катер, груз перенесли на пассажирский корабль «Бьен Хоаз», который 20 марта взял курс на Марсель. 10 апреля они прибыли в Марсель. Эквтиме Такаишвили сдал сокровища Грузии в марсельский банк и вместе с супругой продолжил научную деятельность. 4 февраля 1922 года его избирают членом Парижского нумизматического общества, а в 1925-м – членом Азиатского общества.

Весть о прибытии грузинских сокровищ во Францию получила широкую огласку. Появилось немало желающих их приобрести. Нью-Йоркский и Британский музеи старались заполучить хоть малую часть. Французский историк Миле пытался получить разрешение на фотогра-

▲ Здание I корпуса Тбилисского университета

фирование экспонатов. Однако Эквтиме категорически отказывал всем, кто обращался к нему в связи с сокровищами. Видя огромный интерес к ним, он беспокоился за их судьбу. Когда в 1928 году в Париж приехали Акакий Шанидзе и Георгий Ахвледиани, Эквтиме попросил их: «...сделайте что-нибудь, чтобы вернуть Грузии ее древности. Иначе это будет моя вторая смерть».

Почти 25 лет прошло прежде чем грузинские древности вернулись в Грузию. Из них первые 13 лет они хранились в Марселе, затем – в Париже. Лишь во время Второй мировой войны, когда чаша весов перевесилась в сторону победителя, Советского Союза, стало возможным совершить передачу сокровищ Грузии. В 1944 году Такашвили встретился с послом СССР во Франции Александром Богомоловым, которого ввел в курс дела, попросил его содействия и одновременно вручил ему обширный доклад на имя генерала де Голля. Генерал готовился к визиту в Москву и встрече со Сталиным (этот визит состоялся 2-10 декабря). Де Голль отдал распоряжение о возвращении грузинских древностей в Грузию.

Под этим впечатлением написано воспоминание Такашвили: «Вопрос возвращения сокровищ решила беспримерная победа товарища Сталина, после чего немцы оставили Париж и французы вздохнули. Эта победа прославила имя Сталина во Франции. Французы молились на него и говорили: «Мы поставим ему золотой памятник». Мы говорили им, что Сталин по национальности грузин, но они с сомнением относились к нашим словам и отвечали, что Грузия маленькая страна и не могла бы дать такого человека».

11 апреля 1945 года, несмотря ни на какие трудности и невзгоды верный хранитель уникальных сокровищ Грузии Эквтиме Такашвили, будучи уже в преклонном возрасте, вернулся вместе с ними на родину. «Теперь я могу сказать, что я выполнил свой долг перед родиной и народом», - признался он академику Шалве Амираншвили. Дело, которое ученый считал своим наипервейшим гражданским долгом, было успешно завершено, его миссия была закончена и он считал себя счастливым человеком. «Я очень счастлив и не в праве жаловаться на судьбу», - заявлял он.

То, что он увидел на родине после столь долгого отсутствия порадовало его. Это была новая Грузия, новый Тбилиси. «Тбилиси меня встретил сказочно преоб-

раженный и прекрасный... Все тут сделано с большим размахом и со вкусом...» - пишет он. И еще: «Внешне Тбилиси не узнать, такой он похорошевший, весь в зелени, построено множество больших и малых зданий, но все мало для города, население которого уже превышает полмиллиона». В этих словах Эквтиме чувствуется и некоторая обеспокоенность быстрым ростом населения столицы. Удивлен он был, когда ему назвали количество людей с высшим образованием. «А нужно ли нам столько?» - высказал он сомнение. Замечания большого ученого и ныне не теряют своей актуальности.

С первых дней возвращения Э.Такашвили сотрудничает в научных организациях Академии наук, в университете и Государственном музее Грузии. Он публикует ценные материалы по различным проблемам истории Грузии. 10 мая 1945 года его избирают профессором Тбилисского государственного университета, а в 1946-м – академиком Академии наук Грузии. Спустя год после возвращения он предстает перед профессорами и педагогами университета с докладом: «Увиденные в Европе грузинские памятники и там же собранные сведения о них».

Престарелому ученому трудно приходилось одному (он овдовел), но он не терял оптимизма и, несмотря на препятствия (чрезмерный интерес КГБ, неоднократно случавшееся репрессивное отношение к нему и т.п.), до конца своих дней продолжал плодотворную научную деятельность.

Своей мученической жизнью и поразительной деятельностью Эквтиме Такашвили непоколебимо вошел в пантеон бессмертных грузинских патриотов, сынов отечества. Он ушел из жизни в возрасте девяноста лет. В ненастный февральский день 1953 года около сорока человек проводило его к месту вечного упокоения.

В 2002 году по соизволению Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II Священный Синод Грузинской Православной Церкви канонизировал Эквтиме Такашвили под именем Святого Эквтиме.

Сегодня Грузия с глубочайшим почтением хранит имя великого ученого и человека.

Роин МЕТРЕВЕЛИ
Перевод Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

ДЖАЗОВЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

После почти двадцатилетнего перерыва в Тбилиси с концертом приехал Андрей Макаревич. На этот раз легенда российского рока выступила с «Джазовыми трансформациями».

Организовал концерт Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб». Он прошел при полном аншлаге в Большом зале Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова 24 марта.

Уже больше десяти лет Андрей Макаревич не только рокеролирик со стажем, но и джазмен. По словам самого артиста, началось все с того, как он понял: единственная музыка, которую слушает без раздражения – американский джаз 40-50-х годов: Дайана Вашингтон, Чет Беккер, Элла Фицджералд.

«Эта музыка полна красивых мелодий, которых в сегодняшнем мире явно недостаток, изумительных аранжировок, оркестров, живого звучания... Все это вдохновило меня... я прекрасно понимаю, что я никакой не джазовый певец, и никогда им не стану, но от соединения живой свинговой игры и того, что делаю, как мне кажется, возникает что-то новое и интересное», - отметил артист.

Сказать, что Макаревича ждали долго, значит ничего не сказать. Ведь нынешние гастроли можно смело назвать приключенческими. Обрушившийся на Москву небывалый снегопад парализовал работу аэропортов. Ценой невероятных усилий организаторам удалось перевезти Андрея Макаревича и его джаз-банд из Внуково в Домодедово, и уже оттуда, с опозданием на шесть часов, доставить гостей в Тбилиси.

Тем временем, в назначенное время – девять вечера – у дверей Большого зала театра, где должен был проходить концерт, стали собираться зрители. Надо отдать должное поклонникам легенды российского рока – большинство отреагировало на то, что концерт начнется только в одиннадцать вечера, с пониманием. Не сдавая билеты, раскупленные задолго до концерта, больше двух часов зрители ждали российских музыкантов. И ждали ненарасно.

Программа «Джазовые трансформации» прошла с большим успехом. Открыл концерт суперхит «Он был старше ее», но в неожиданной интерпретации. Следом прозвучали удивительные джазовые импровизации, не оставившие равнодушными слушателей.

Вместе с Макаревичем на тбилисскую сцену вышли трио Евгения Борца, дуэт саксофонистов Brill Brothers и певица Этери Бериашвили. Состав профессиональный и давно сработавшийся.

Трио виртуозного российского джазового пианиста Евгения Борца известно своими авторскими композициями и блестящим исполнением популярных джазовых стандартов в собственной интерпретации. Руководитель трио Евгений Борца – выпускник Казанской консерватории, автор музыки ко множеству кинофильмов и театральных постановок, музыкальный руководитель Московского драматического театра имени А.С. Пушкина. Соло Евгения Борца, прозвучавшее на концерте – это фейерверк таланта и вдохновения.

Контрабасист Сергей Хутас – участник многих российских и зарубежных джазовых проектов, в том числе Игоря Бутмана, Игоря Бриля, Ларисы Долиной, Ан-

Андрей Макаревич в Грузии

дрия Макаревича, Ренди Брекера, Дейва Сэмюэлса. Барабанщик Сергей Остроумов работает в «Машине времени», «Оркестре креольского танго» и «Трио Сергея Манукяна». Пять лет прожил в Голландии, выступив на легендарном «North Sea» в Гааге.

Дуэт Brill Brothers братьев-близнецов Александра (тенор-саксофон) и Дмитрия (сопрано-саксофон) Бриль – желанные гости на самых престижных джаз-площадках. Они обладатели Гран-при Международного конкурса в Бухаресте, лауреаты международных фестивалей в Джакарте и Монреале.

Этери Бериашвили – солистка вокального ансамбля «Акапелла Экспресс», который можно назвать одним из наиболее значительных явлений в современном вокальном джазе. Наша соотечественница Этери – «специалист по экзотике, ее вокальные аранжировки – как ароматный кофе и изысканное вино – на бразильские и грузинские темы».

Самое важное в программе «Джазовые трансформации», по мнению ее создателей, то, что люди, с первого взгляда не ассоциированные с джазом, трансформируются в него.

Впрочем, была у визита Андрея Макаревича в Грузию и неофициальная часть. На горном курорте Гудаури российский певец купил квартиру в строящемся доме девелоперской компании «Редко».

А это значит, что артист будет приезжать в Грузию гораздо чаще. Тем более, что не за горами его выступление в рамках VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

▲ Георгий Параджанов

Картина российского режиссера, сценариста, продюсера, художника Георгия Параджанова «Все ушли» получила в Тбилиси, в рамках XIII международного кинофестиваля, приз за режиссуру – «Серебряный Прометей». Но это – лишь одна из многочисленных наград фильма. Картина «Все ушли» снята в жанре воспоминаний автора о своем детстве и чем-то напоминает итальянское кино эпохи неореализма, но с кавказской «начинкой», неповторимым тбилиским колоритом, сочными образами, особой магией и образной структурой. Георгий Параджанов, племянник великого Сергея Параджанова, ответил на вопросы корреспондента журнала «Русский клуб».

- Не обидно, что не получили в Тбилиси главную на-

ВСЕ УШЛИ, А Я ОСТАЛСЯ

граду фестиваля – «Золотой Прометей»?

- Я получил самый лучший приз – за режиссуру. Честно говоря, не ожидал такой высокой оценки. Я вообще никогда не могу предполагать, что именно произойдет на тбилисском фестивале. Фестиваль – непредсказуемая вещь, и непонятно, как все может повернуться. Даже учитывая тот факт, что фильм снят в Тбилиси, о Тбилиси, это могло и не выстрелить. Да и вообще снимать фильм о родном городе – очень сложная штука. Тем более возвращаясь в далекие 60-е годы. И это большая ответственность. О городе, в котором прожил более тридцати лет, фильм нужно было делать с большой любовью и при этом осторожно. Потому что реакция могла быть совершенно непредсказуемой. Я очень волновался перед премьерой, показом в Тбилиси. Об этом я могу говорить здесь, в Грузии, а не в

России или во Франции. Французы в восторге от этого фильма. В Онфлере я получил Гран-при – «Все ушли» признан лучшим фильмом. Французы сказали нам: «Вы нам вернули кино!» То же самое услышал в Грузии, и это признание на родине для меня очень важно.

- Вы определяете стилистику своей картины как «магический реализм». Это что-то от Габриэля Гарсиа Маркеса?

- Да, именно... Если вы обратили внимание, в фильме нет ни одного нормального, в обычном понимании этого слова, человека. Хорошо сказал на пресс-конференции замечательный грузинский актер, мой друг Автандил Махарадзе, сыгравший в фильме голубятника Цису: «У режиссера, наверное, не все в порядке с головой: он всех нас, героев картины, сделал немного сумасшедшими!» Я просто снимал фильм о себе, своем забываемом тбилисском детстве. Все, что там есть, - абсолютная правда. В картине только один вымышленный персонаж – гадалка Нина. А все остальное – то, чем жил, мальчик, главный герой картины, прошло через меня.

- Читала, что ваша картина напоминает «Амаркорд» Федерико Феллини.

- Но я и делал мой «Амаркорд»! Ведь на романьольском диалекте городка Римини, где вырос Феллини, «амаркорд» означает «Я вспоминаю». Честно говоря, о Феллини в процессе создания картины я думал мало. Хотя моим очень близким другом – могу это утверждать, потому что ездил его хоронить, - был итальянский поэт, писатель и сценарист Тонино Гуэрра. Мы с ним дружили 35 лет и были на «ты». Вместе с женой Лорой он прочитал мой сценарий и пришел в восторг. Я просил Лору сыграть в моей картине гадалку Нину, а Тонино – старого трамвайщика. И они согласились! Но подвела болезнь – Тонино не смог приехать в Тбилиси на съемки.

▼ Циса – Автандил Махарадзе

- Некоторым не хватает в вашей картине самого Сергея Параджанова.

- Я снял о своем знаменитом дяде документальный фильм «Я умер в детстве», который закрывал Каннский фестиваль в 2004 году. А в картину «Все ушли» я не хотел вводить Сергея Параджанова – тогда это было бы совершенно другое кино. Пришлось бы выписывать линию Параджанова, и это бы перевесило все остальное. И тогда нужно было бы снимать фильм о нем, а меня там уже не было бы. Кстати, сейчас в Тбилиси фильм о Сергее Параджанове снимает украинский режиссер – женщина.

- Вот недавно сняли фильм о Высоцком...

- Я считаю, что такие вещи нельзя делать. Как можно, к примеру, снять художественный фильм о Тарковском? Я этого не представляю! Это имеет право на существование, когда после ухода великого творца пройдет лет пятьдесят – семьдесят – не меньше. Извините, сейчас еще живы сын, бывшая жена, племянник режиссера, еще куча людей. Когда такой фильм предложили снимать Роману Балаюну, он отказался, аргументировав свой отказ тем, что он слишком хорошо знал Параджанова, чтобы снимать о нем фильм. Естественно, и я хорошо знал своего дядю – прожил с ним четырнадцать лет в одном доме. Когда мне прислали этот сценарий о Сергее Иосифовиче, я прочитал ровно полстраницы. Я не мог это читать! Представьте себе: стоит человек на мусорной помойке в стоптанных туфлях, сосет конфетку и ищет какие-то предметы для коллажа. Какой-то ужас!

- И никто не может изменить эту ситуацию?

- Я не прямой наследник. У Параджанова есть сын, бывшая жена. Она сказала, что в сценарии все неправда – какие-то истории с КГБ... Но, тем не менее, добро на съемки было получено. А ко мне вообще никто не обращался – ни за консультацией, ни за помощью. На главном призе XX фестиваля российского кино «Окно в Европу», который я получил из рук Балаяна, написано: «за гуманизм и верность традициям». Для меня это не пустые слова! Когда в беседе с Ромой Балаюном я начал рассказывать какие-то истории о дяде, он стал настаивать: «Сними фильм о Параджанове!» Он понял, что я знаю о Сергее Иосифовиче столько, сколько никто не знает...

- Дух этого человека ощущается в вашей картине.

- Кстати, в моей картине Сергей Параджанов все-таки упоминается. Парикмахер Жорик говорит о соседе: «Он называет себя великим режиссером, гением... а гений – это я!» Прототип Жорика – мой папа. Еще один момент: Лали Бадурашвили, сыгравшая бабушку, - непрофессиональная актриса. Я ее нашел, работал с ней. Ведь грузины вообще очень артистичная нация. Я пробовал Лали на разные роли, но, в конце концов, утвердил ее на роль бабушки.

- Эта картина – своего рода сублимация? Если бы вы не сняли фильм, это бы вас терзало?

- Конечно. Я от многих вещей освободился. Меня это действительно мучило. Сценарий был написан семнадцать лет назад. Он получил приз «Зеркало» имени Андрея Тарковского. Был опубликован в журнале «Киносценарий». Отлежался – и вот, наконец, его время пришло!

- Это первая ваша игровая картина. До этого вы снимали документальные фильмы.

- Я придумал свое документальное кино, ведь я не снимаю говорящие головы, не беру интервью. Мне это не нравится. Сложно объяснить, описать жанр, кото-

рый я придумал. Стремлюсь найти образ – то есть я делаю какое-то, возможно, непонятное кино, в котором есть живой человек, но у меня нет желания брать интервью у кого-либо. Я бы с удовольствием снял документальное кино о Лиле Брик – я очень хорошо ее знал. Не менее интересно сделать картину об Уго Чавесе или Эдуарде Шеварднадзе. Однажды внучка предложила мне снять картину про бывшего грузинского лидера, я уже даже придумал историю о Шеварднадзе. Мне хотелось показать совершенно незнакомого большинству Эдуарда Амвросьевича... Или еще одна нереализованная идея – фильм про ливийского лидера Муаммара Каддафи. Это могли бы не быть говорящие головы. Это должен был быть монолог, а не беседа. Вот Эмир Кустурица сделал замечательную картину про Диего Марадону... Хочу рассказать один случай. Однажды мы с Тонино Гуэрра остались в Москве вдвоем дома, а Лора поехала на базар. У меня была с собой камера. Я решил пойти Тонино: «А чего мы с тобой тут сидим, как две совы, и смотрим друг на друга? Давай наговори мне что-нибудь!» И я задал ему три вопроса. Тонино неожиданно расплакался, сказав: «Никто мне таких вопросов не задавал!» У меня сейчас есть материал с Гуэрра на три часа. Я пока не сделал фильм, но могу осуществить это в любое время. А сейчас собираюсь снимать вторую игровую картину. Съемки будут проходить в Грузии, потому что у меня нет возможности снимать в Азербайджане. Но не хочу о сюжете говорить заранее. Скажу лишь, что это современная драма о любви, снятая в совершенно но-

серу, сценаристу и художнику Руслану Хамдамову, и он ему очень понравился. «Только надень на Камбурову очень узкий пиджак и большую, широкую мятую юбку!» - предложил он. Мне это пришлось по вкусу. Это вполне реальный проект.

- Прекрасная идея – соединить клоунаду с драмой и вокалом. Вы впервые будете заниматься театром?

- Да я же еще и актер по образованию – окончил Тбилисский театральный институт, много лет тому назад работал в ТЮЗе. Какое-то время играл в театре «Современник 2» у Миши Ефремова. Он меня туда и пригласил, а потом, когда я поступил во ВГИК, был недоволен, потому что собирался забрать меня во МХАТ, к отцу. Тогда еще театром руководил Олег Ефремов, и Миша говорил: «Зачем тебе эта режиссура? Пойдем во МХАТ!»

- Стала ли режиссура вашей магистральной дорогой? Вы окончательно расстались с актерской профессией?

- Я состою на актерском учете в киностудии «Мосфильм». Начальник актерского отдела пришла на премьеру моего фильма и потом вручила мне свою визитку. Думаю, режиссеры будут побаиваться меня приглашать – было одно предложение. Я не герой-любовник, но и не характерный актер. Однако пока никто ничего не предлагал. А я с удовольствием буду сниматься, если появится такая возможность. Пусть маленький, но яркий эпизод. Для меня самая большая радость – то, что я перед тем, как начинаю снимать кино, показываю актерам их персонажей, играю. Чего вообще-то делать нельзя. И исполнители делают то, что я показываю. Кстати, после выхода картины «Все ушли» говорили, что все актеры в фильме играют гениально.

- Вы ни от чего в жизни отказываться не хотите – и играть собираетесь, и кино снимать, и спектакли ставить?

- Именно! Я не приемлю только одного – пошлости. Это не мое. Я не умею снимать секс. В фильме «Все ушли» эта тема показана вполне невинно и смешно. Я даже не знаю, как снимать интимные сцены: положить в постель двух голых людей и сказать им: «Занимайтесь любовью!»? Когда на тебя направлен свет прожекторов и сто человек стоит вокруг?!

- Сейчас это чуть ли не доминанта любой картины.

- К сожалению. Это сегодня очень модно показывать: папа – насильник, брат – серийный убийца... Показывать патологию стало модой. Я считаю, что это безнравственно. И потом, это надо уметь снимать. Это умеет гениально делать один человек – великий Педро Альмодовар. Я этого не умею. Не умею снимать, как Микеланджело Антониони – великое холодное кино. Никогда в жизни не мог бы снимать как Андрей Тарковский. И не надо этого делать! Я понимаю, почему Ларс фон Триер посвящает свой шедевр «Меланхолия» Тарковскому... Кстати, даже актер, играющий в фильме, похож на Тарковского.

Мне повезло – я видел многих величайших людей XX века – Высоцкого, Плисецкую, дружил с Лилей Брик. Я ее знал уже 87-летней. Благодаря Лиле Брик я поступил во ВГИК. Об этом до сих пор ходят легенды. Была такой педагог – Ливия Звонникова. На ее лекции, как и на лекции Мераба Мамардашвили, собиралась вся Москва. Звонникова преподавала русский язык и литературу. Кстати, именно она познакомила Александра Сокурова со сценаристом Юрием Арабовым. Мне попался на экзамене вопрос о лирике Маяковского.

▲ С дядей Сергеем Параджановым

вой для меня стилистике.

- Почувствовали вкус к игровому кино?

- Да я вообще «игровик». Учился на художественном факультете игрового кино у Владимира Наумова. А еще в планах – театр. Буду ставить спектакль с Еленой Камбуровой про клоуна Леонида Енгибарова. Камбурова давно мечтала об этом, и однажды я пришел к Елене Антоновне вместе с женой Катей... Елена Антоновна – это классика. Она в хорошем смысле консервативна. Мы долго беседовали и прекрасно друг друга поняли. Я предложил Елене Камбуровой историю, и ей очень понравилось. В спектакле соединятся вокализ Елены Камбуровой, Леонид Енгибаров на экране и знаменитый фонарь, который играет здесь очень большую роль – это будет живой персонаж.

Я рассказал о своем замысле моему другу, режис-

▲ Кадр из фильма «Все ушли»

Я сидел минут 50... «В конце концов, выйдете вы или нет?» - нетерпеливо спросила Ливия Звонникова. - Неужели, правда, ничего не читали?» - «Я могу рассказать о Лиле Брик!» - «Расскажите!». Я начал ей рассказывать о том, как Брик меня целовала и как на меня падали с полки пыльные шляпы Маяковского. Звонникова за мой рассказ поставила мне четверку. Да, Брик была потрясающей женщиной, ее обожал Сен-Лоран! Она дядю моего вытащила из тюрьмы... Уговорила активного деятеля компартии Франции писателя Луи Арагона, мужа писательницы Эльзы Триоле, своей сестры, приехать в СССР. Состоялась официальная встреча в Большом театре, где Арагону вручили орден Дружбы народов. Арагон попросил советские власти выпустить Сергея Параджанова, и его выпустили на год раньше срока. В итоге Сергей Параджанов просидел в тюрьме 4 года 11 месяцев.

- Расскажите, каким вам запомнился Сергей Параджанов?

- Четырнадцать лет, проведенных с ним рядом, были великим праздником. Хотя случались и тяжелые минуты – у нас были очень непростые отношения.

- На какой почве обычно возникали разногласия?

- На бытовой. У моей мамы с Сергеем были сложные отношения, и я оказывался между двух огней. Я обожал маму и обожал Сергея. Приходилось лавировать между ними. А один раз дошло до того, что я схватил топор и побежал за ним. И был суд, который... превратился в товарищеский. А поначалу мне угрожало семь лет за попытку убийства близкого родственника. Я сказал Сергею: «Предлагаю замять это дело – ты ведь меня не в Артек посылаешь, можешь представить, что будет, когда я оттуда выйду?» Товарищеский суд проходил в каком-то помещении ветеранов труда. И нас помирили... Все, что можно было впитать, я в этом доме впитал! Там ведь была великая бабушка, которая меня и воспитывала. К сожалению, все ушли...

Мы с оператором Сергеем Мачильским насняли материала на целых 32 часа. Перед вылетом в Москву во время кутежа Сергей сказал актеру Давиду Двалишвили, сыгравшему в фильме дедушку: «Дайте Гарику возможность снять на Грузинском телевидении сериал. У него огромный материал, из которого получится потрясающий многосерийный фильм!» Барахло ведь снимают!

- Да, представляю, каково было отцеживать золотой песок для полнометражной картины!

- Да, в фильм не вошло многое. Пришлось от чего-то отказываться. Очень много порезали в материале с участием Зураба Кипшидзе – он играет повзрослевшего героя, вспоминающего детство.

- Георгий, контраст вас не ранит – Тбилиси прежний и сегодняшний?

- Мне нравится то, что происходит в Грузии – Тбилиси превращается в европейский город! Но кое-что мне трудно понять – там, на бывших Песках, какие-то две трубы. Театр, говорят, будет. Неожиданно появляется хайтек в ущерб неповторимому образу Тбилиси. Лучше реставрировать старое, чем строить новое и страшное. Я был сейчас в Омфлере – это шедевр, абсолютно андерсеновский город! Я такого хайтека там не видел. Тбилиси не рассчитан на хайтек. Чего стоит хотя бы один новый мост! Так что я был действительно не в восторге от некоторых сооружений, но в основном то, что происходит в столице, прекрасно.

- Чему вы научились у Параджанова? Хотелось бы вам работать в его стилистике?

- А зачем? Не хочу даже думать об этом. Каждому свое.

- Но кто ваш учитель в кинематографе?

- Прежде всего, мой город, наверное. Мой любимый Тбилиси. Все идет отсюда.

Инна БЕЗИРГАНОВА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ОТ СОФИКО

Софи́ко Чи́аурели была и остается легендой – как незабываемая актриса и неординарная личность. Уже пять лет, как ее нет с нами, и в день памяти актрисы 2 марта и накануне Дня матери в Большом зале Тбилисской филармонии прошла благотворительная акция-концерт Фонда Пааты Бурчуладзе «Иавнана». Фонд, основанный под лозунгом «Вместе спасем будущее» и направленный на оказание помощи детям и многодетным семьям, с самого начала его создания очень поддерживала Чи́аурели. «Иавнана» не упустил возможности отдать дань памяти актрисе необычным способом. На этот раз щедрые благотворительные дары Фонда шли от имени Софи́ко. И, казалось, будто она слышала и чувствовала это. Нуждающиеся в помощи люди, в том числе многодетные семьи, получали то необходимое, без чего им не выжить. Грудному ребенку с соской во рту на руках у матери, окруженной своими детьми, вешали на шейку ленточку с ключом от новой квартиры, как бы давая благословение на счастливую жизнь. В числе вручавших ключи был старший сын Софи́ко, Ника Шенгелая, который тоже участвует в работе Фонда.

Присутствие Софи́ко ощущалось как-то сразу, еще при входе в зрительный зал, вмещающий около 2 500 человек. Пространство под колосниками заполняли знакомые всем фотографии актрисы из фильмов, а огромная открытая сцена филармонии создавала впечатление интерьера, окружавшего актрису и в доме на Пикрис-гора,

и на съемках, и в театре. Впрочем так оно и было изначально задумано автором сценария и худруком проекта Теоной Джорбенадзе, режиссером Ги́ей Кития, художником Давидом Апциаури. В организации этого вечера участвовали многие. В первую очередь театр Марджанишвили, предоставивший костюмы Софи́ко из ее спектаклей и элементы декораций. Акция прошла при поддержке Министерства культуры Грузии и мэрии Тбилиси.

Первое, что бросилось в глаза при входе в зал – стоящее на авансцене справа символическое разноцветное «дерево желания» с притулившимся к нему велосипедом, а по краям сцены – два женских манекена в длинных платьях театральных героинь актрисы, и корзины цветов у ног. Цветы были по всей сцене. В центре стоял открытый рояль, готовый к работе, а за ним – пюпитр для оркестра. Правая сторона отдана большому дивану с креслами и висящим над ними абажуром из цветных тканей в духе Параджанова. На левой стороне другой уголок интерьера – высокий круглый столик-стойка со стульями, позади которых красовалась большая белая ширма, с набором прикрепленных шляп. Ну, как же без них – это любимое увлечение Софи́ко, у нее дома была целая коллекция шляп, размещавшаяся над шкафами в узком коридорчике, ведущем в спальню. Но это было при жизни.

Теперь же на сцене лишь знаковые ассоциации – узнаваемый белый зонтик незабываемой Фуфалы, на фоне ширмы еще несколько театральных костюмов Софи́ко,

причудливым продолжением которых смотрелись ножки пюпитров для оркестра в глубине сцены за роялем. Пюпитры здесь абсолютно необходимы, ведь Государственный симфонический оркестр под управлением Николоза Рачвели будет не просто сопровождать выступления артистов и певцов, но задавать настроение этому благотворительному вечеру-концерту. Николоза мы знали давно как пианиста, дирижера, композитора Нику Меманишвили. Здесь он также был и автором музыкальной композиции, и выступал в качестве аккомпаниатора, а также пианиста-импровизатора, но при этом умудрялся оставаться действующим дирижером оркестра, в составе которого был приглашенный солист Георгий Цагарели. И музыканты, кажется, не только понимали дирижера, но и чувствовали. Неудивительно, за дирижерский пульт он впервые встал в десять лет, и его имя в 1995 году вошло в книгу «Новые лица планеты». Так что к многогранности таланта Ники нам не привыкать.

Открыл акцию-концерт основатель «Иавнана», Посол доброй воли Детского фонда ООН, оперный певец с мировым именем Паата Бурчуладзе. А дальше шла обширная концертная программа, и там главным действующим лицом была Софиико, ее творческая и личная биография. На экране мелькали фрагменты самых известных ее ролей в кино и театре, а всего их у актрисы более сотни. И все ее персонажи разные – трогательные, надменные, задорные, трагические. Во всех ипостасях она была убедительна и непредсказуема. Ну, как можно сравнить девочку из ее первого фильма «Наш двор» Резо Чхедидзе и Фуфалу, или неповторимые образы в фильмах Параджанова, включая сразу шесть персонажей в фильме «Цвет граната», один из которых мужчина.

Так как благотворительная акция проходила от имени Софиико, то и вечер получился неординарный: конгломерат, казалось бы, несоединимого. Это было музыкальное представление вне жанров, здесь пели и танцевали солисты и ансамбли, шли кадры из фильмов, звучали стихи, воспоминания коллег, семейные легенды о доме Чиаурели и даже дневниковые записи актрисы. И все это с

элементами Театра.doc и экспромтными массовыми сценами. Например, символическое начало благотворительного вечера – под звуки музыки на сцену выскакивает стайка маленьких девочек в белых платьицах, они резвятся вокруг «древа желания» - танцуют, прыгают, тянутся к заветным веточкам и ленточкам, чтобы исполнились их мечты. И тут же переключка с детством нашей героини: труппа Марджановского театра почти в полном составе разыгрывает яркую пантомимическую сцену из спектакля, посвященного создателю их театра Котэ Марджанишвили, воплощавшего идею театра-праздника. Сподвижницей великого режиссера была мать Софиико – Верико Анджапаридзе, чье имя включено в десятку самых выдающихся актрис XX века. Театр выбрал эпизод, когда в 30-е годы прошлого века актеры-марджановцы едут на гастроли, они бегают и танцуют, спешат к поезду, мечутся в суматохе, но при этом каждый со своим характером и пластикой. Вот в такой мельтешне актерской жизни в те самые 30-е годы и появилась на свет новая звезда театра и кино Софиико. О ней вспоминает ее одноклассница Нана Авалишвили, мы видим семейные фотографии, ее юность, кадры жениха и невесты из фильма «Иные нынче времена» с Георгием Шенгелая, в то время уже ее мужем.

На этом памятном вечере было много выступлений актеров театра и кино, которые работали с Софиико и для которых она много значила. Эти люди не могли не прийти: Кахи Кавсадзе, Буба Кикабидзе, Тенгиз Арчвадзе, Мурман Джинория, Тамар Схиртладзе, Джемал Гаганидзе, и появление каждого из них рождало свои ассоциации со славным прошлым грузинского кино и творчеством актрисы. К примеру, выступление Мурман Джинория, читавшего на вечере стихи, конечно, в сопровождении музыки, как это умеет делать Меманишвили, вызвало воспоминания о Театре одного актера «Верико», который создал Софиико и Котэ Махарадзе в своем доме. И сразу всплыл в памяти актерский дуэт Мурман и Софиико в одной из последних ее работ в своем театре – «Королева-мать» М.Сантанелли – одна из лучших театральных ролей

▼ Николай Шенгелая и Паата Бурчуладзе

▲ Поет Нани Брегвадзе

Чиаурели, где спонтанная импульсивность, взбалмошность героини оттеняли глубину ее внутренней трагедии. Она не боялась показаться некрасивой, смешной или чудаковатой, и это придавало образу абсолютную достоверность.

Самый большой всплеск эмоций вызвало выступление Нани Брегвадзе и Эки Мамаладзе, их дуэт звучал как признание в любви. Нани – ближайшая подруга и незаменимый для Софики человек еще с юности. На экране Чиаурели пела голосом Брегвадзе, и никому в голову не приходило, даже дети Софики не верили, что поет не она – настолько певица вживалась в образ. Чего стоили с трудом сдерживаемые слезы Нани Брегвадзе, когда на экране появилась поющая и танцующая Софики в «Мелодиях Верийского квартала». Одновременно показывали запись процесса озвучения этого кадра. Мы увидели, как в тон-студии Нани пела, улавливая с экрана нюансы не только характера героини, но каждого движения вихрем танцующей Софики и ее артикуляцию. Такая тонкая проникновенность и абсолютное слияние и сейчас кажутся чем-то невероятным. После просмотра этих давних кадров Нани даже сделала маленькую паузу, чтобы справиться с волнением и продолжить выступление. Зрители оценили по достоинству и ее чуткость, и силу духа.

Не осталась в стороне и дочь Котэ Махарадзе, актриса и балерина Мака Махарадзе, близкий человек для семьи Софики. Она читала ее дневниковые записи, где Софики вспоминала историю любви с Котэ, и как иллюстрация к тексту в исполнении Нато Метонидзе звучала песня «Желтые листья» Гии Канчели. Он был другом Софики, и на вечере прозвучали несколько его пьес. А дружба началась полвека назад с постановки «Ханумы» Роберта Стура на руставелевской сцене. Она откликнулась на просьбу режиссера и танцевала в финале знаменитый огненный «Кинтаури». На вечере об этом с экрана вспоминал с признательностью Стура.

Софики осталась в памяти не только грузинских коллег. Дом Чиаурели всегда был полон гостей и при жизни ее родителей, и потом, когда они с Котэ Махарадзе реконструировали дом и превратили его в дом-музей, дом-театр. Приезжающие в Тбилиси знаменитости обязательно приходили сюда. Я помню на этой сцене Ванессу Редгрейв, Евгения Евтушенко, Сергея Юрского. Бывала в этом доме и Алиса Фрейндлих. В показанной на этом вечере записи, она говорила, какой замечательной актрисой была Софики на съемочной площадке и потрясающей хозяйкой в своем доме. Вспоминали о совместных съемках с Чиаурели также Армен Джигарханян и Лео-

нид Куравлев, отмечавшие, каким поразительным человеком была Софики. Отклики коллег из России были записаны специально для этого вечера, потому что каждый из них в конце своего выступления говорил о благотворительной акции от имени Софики и зачитывал номер телефона.

На вечере было много отдельных выступлений актеров нового поколения – Нино Бурдули, Эка Чхеидзе, Онисе Ониани, Кахабер Микиашвили и певцов – Майя Джабуа, Нато Метонидзе, Лиза Багратиони, замечательное женское трио сестер Чохонелидзе. Выступали также ансамбли – порадовал зрителей старожил грузинской эстрады ансамбль «Швидкаца», интерес к которому со временем ничуть не угасает, и популярный не только в Грузии детский ансамбль «Баста-Бубу».

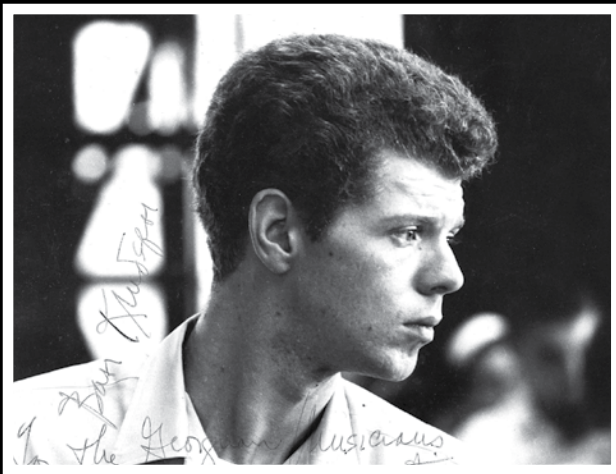
В программу благотворительной акции-концерта постоянно вклинивался Театр.doc, тот самый театр, который основан на подлинных текстах. Так вот, почти каждое выступление артистов заканчивалось чтением информации: называли организации и частных лиц, сделавших перечисления в Фонд «Иавнана» с указанием конкретной цели – на детские дома или многодетным семьям, или отдельным нуждающимся людям. В течение этого вечера на сцене филармонии были переданы ключи от квартир четырем многодетным семьям, финансовая помощь была оказана 31 нуждающемуся студенту и 130 детям, потерявшим отцов в августовской войне 2008 года. Причем, откликнулись на эту акцию люди со всего мира. В этом году Золотой конь «Иавнана» был передан Дмитрию и Саиде Мчедлидзе, проживающим в Испании, и с первого дня активно поддерживавших Фонд.

Во время вечера пришло новое срочное сообщение о тяжелом заболевании крови 24-летнего актера театра Марджанишвили Георгия Корганашвили, которому требуется дорогостоящая операция за рубежом по пересадке костного мозга. С этой сцены прозвучала просьба помочь спасти жизнь молодого актера. Благодаря этому сообщению, которое услышали не только в зале, но и все телезрители, люди откликнулись. Наверное, первым был Паата Бурчуладзе, внесший 1000 лари. Включилось и театральное сообщество. Так, русский театр имени А.С. Грибоедова и МКПС «Русский клуб» сразу объявили о проведении благотворительного спектакля «Холстомер. История лошади». Позже, когда спектакль состоялся, весь сбор от него пошел в помощь Корганашвили.

Получается, что сегодняшняя благотворительная акция Фонда «Иавнана» работает на перспективу, а в целом – на помощь людям.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Вспомниная Вэна Клайберна

Судьбе было угодно несколько раз свести меня с Вэном Клайберном, известном в нашей стране как Ван Клайберн. В первый раз дело ограничилось впечатлением, когда он с потрясающим успехом выступил на I Международном конкурсе пианистов имени П.И. Чайковского в Москве весной 1958 года. Напомню, это было в самый разгар «холодной войны», когда крайне нежелательным и даже опасным представлялось проявление каких-либо симпатий ко всем американцам — «империалистам»!

Когда Клайберн взял последние аккорды гениально исполненного им фортепианного концерта Чайковского, с галерки, перекрывая бурную овацию зала, раздался трижды повторенный истошный крик: «Клайберну — первая премия!» Это вызвало одобрительную реакцию зала и повергло в немалое смущение жюри конкурса, возглавляемое Эмилем Гилельсом. Тем не менее, решение жюри было единогласным и категоричным: «Клайберну — первая премия!»

Вторая встреча с Вэном — на этот раз личная произошла в 1960 году, когда после проведенного им замечательного концерта в Тбилиси, в ГОКСе (Грузинское общество культурных связей с зарубежными странами) была устроена встреча с американским пианистом. На встрече присутствовал цвет музыкального общества, с необыкновенной теплотой встретившего гостя, пианиста и обаятельного человека. Вэну преподнесли и тут же его облачили в белоснежную грузинскую чоху.

Клайберн говорил, что ему много и очень тепло рассказывала о Грузии и ее замечательных людях его педагог — известная пианистка Розина Левина, которая вместе с мужем пианистом Иосифом Левиным два года (1899-1901) жила и работала в музыкальном училище в Тбилиси.

В третий и, к сожалению, последний раз с Вэном Клайберном мне довелось общаться в августе 1966 года, в Соединенных Штатах Америки. На севере штата Мичиган в студенческом городке Интерлохене проходил съезд Международного общества музыкального воспитания (ISME). Я попал туда по той причине, что один из тематических разделов обширной научной конференции назывался: «Роль «экзотической» музыки в музыкальном воспитании». Грузинская музыка, по мнению организаторов, как раз подпадала под это понятие и, стало быть, требовала своего представителя, каковым оказался я.

Представьте себе, даже здесь, на «краю света», у меня оказались добрые знакомые (вот уж, поистине, мир тесен) — известный американский пианист Юджин Лист, с которым я общался в Москве во время второго конкурса имени П.И. Чайковского (он состоял в жюри) в 1962 году, а затем в Тбилиси в 1964-м., где он дал концерт. Здесь же находился почетный президент ISME, выдающийся венгерский композитор и ученый Золтан Кодай с группой соотечественников-музыкантов, которых я имел честь знать.

В самый разгар конференции было объявлено, что через несколько дней перед участниками и гостями, учащимися-музыкантами выступит с концертом знаменитый пианист Вэн Клайберн. Выяснилось, что он тесно связан с Интерлохенским комплексом. На его средства здесь построены три коттеджа. Каждое лето он приезжает сюда и проводит концерты.

24 августа Вэн при большом стечении публики провел в огромном интерлохенском зале концерт, исполнив с оркестром оба фортепианных концерта Брамса.

После окончания концерта среди поздравивших был и я. Коротко представившись, я напомнил о приеме, который оказали ему в Тбилиси. Лицо Вэна просияло, он еще раз пожал мне руку и попросил передать привет грузинским друзьям, а потом подарил свою фотографию с надписью на английском языке: «Горячий привет и сердечные пожелания грузинским музыкантам. Ваш искренний друг Вэн Клайберн».

САМЫЙ ВАЖНЫЙ ТОСТ

Весна – пора тепла, возрождения, новых начинаний. Символично, что грузино-российский центр гуманитарного, культурного и экономического сотрудничества «Гросс» родился именно весной, в марте. Появилась надежда на потепление грузино-российских отношений. Создатели центра утверждают, что организация абсолютно аполитичная и собираются восстанавливать связи между двумя странами исключительно путем народной дипломатии.

«Гросс» объединил здравомыслящих людей с обеих сторон, российской и грузинской: деятелей культуры, ученых, спортсменов, бизнесменов. Задумок много: дни грузинского кино в России и русского в Грузии, художественные выставки, конкурсы, ярмарки, концерты классической и эстрадной музыки, издательско-просветительские проекты, экономические форумы, открытие спортивно-туристического агентства, языковые курсы.

На презентацию центра в Тбилиси прибыла делегация из России: Николас Дадиани, коммерческий директор объединенной компании «Афиша» и «Рамблер», Евгений Максимов, академик, руководитель мастерской монументальной живописи, Дмитрий Дибров, телеведущий, музыкант, Анатолий Исаенко, сценограф, главный художник театра Аллы Пугачевой, актрисы Екатерина Семенова и Екатерина Крупенина, Михаил Мамаишвили, олимпийский чемпион, президент Федерации спортивной борьбы России, Евгений Болдин, музыкальный продюсер, Ираклий Пирцхалава, певец, и другие.

Почти сразу после приезда российские гости пообщались с журналистами, рассказали о личных связях с Грузией и о своем видении дальнейшего сотрудничества.

Дмитрий Дибров:

«Французы говорят – сначала выбери соседа, а потом дом. Счастлив человек, имеющий соседом грузина. Господь так распорядился, что моя соседка грузинка. Недавно мы вместе ездили на ее родину – в деревню под Гори, где прошло ее детство... Мои ближайшие друзья – Эри Лолашвили, автор музыки к фильмам «Статский советник», «Нежный возраст», «Робинзолада», и Ираклий Квирикадзе, создатель гениального «Кувшина», «Лунного папы». У всего мира есть что-то грузинское в корневой системе. Знаете ли вы, что первый ребенок, который появился на свет в первые секунды 2013 года в Лондоне – грузин! Первый монастырь, который встречает православный человек при въезде в Иерусалим, – грузинский. Я не верю ни в какие глобальные изменения в отношениях двух народов. Пускай политики плачут – «нас разъединили». У них работа такая. Никогда русские и грузины

▲ Екатерина Семенова у тоне

не переставали любить друг друга, никто не в состоянии разругать нашу пуповину. И мы это докажем созидательными вещами».

Иракий Пирцхалава:

«Рождение «Гросса» очень своевременно. Мне кажется, наконец-то появился свет в конце тоннеля. И русские, и грузины соскучились друг по другу. Искусственная блокада, созданная политиками, вызвала еще большую любовь. Люди по обе стороны границы устали от пропаганды образа врага. Во всяком случае, я могу говорить от лица своего зрителя. Даже в самый кризисный период отношений между двумя государствами (не людьми!) я ощущал на своих концертах добро, тепло и любовь. Российская публика просила меня спеть на грузинском. Я был удивлен, люди знали наизусть текст песни «Сакартвело».

Перемены не могут произойти в одночасье. Когда ломаешь ногу, заживление требует длительного времени. Но нужно браться за строительство... Люди, по чьей инициативе создан центр «Гросс» - бизнесмен Гела Заврашвили, спортсмен Михаил Мамиашвили, актриса Екатерина Семенова – не раз демонстрировали умение добиваться результата. Я буду там, где конкретные предложения, действия, работа».

Михаил Мамиашвили:

«Я не в гостях, я дома, на родине своих предков. В этот раз успел побывать в Хашури. У меня в Грузии и родственники, и друзья. Здесь в 1988 году я стал чемпионом Советского Союза и получил право участвовать в Олимпийских играх в Сеуле. Если мои стремления послужат в какой-то мере налаживанию добрососедских отношений, буду безмерно счастлив. Приглашаю и моих друзей, и журналистов на чемпионат Европы по борьбе, в Тбилисский Дворец спорта».

На следующий день российскую делегацию принял Католикос-Патриарх Всея Грузии, Святейший и Блаженнейший Илия II. Встреча длилась около часа. Каждый из участников был счастлив получить благословение, услышать мудрые теплые слова. Католикос-Патриарх Илия II показал гостям свой зимний сад. На память им преподнесли музыкальные диски с произведениями Илии II, выпущенные к 35-летию со дня интронизации и к 80-летию юбилею духовного отца нации. Удивительная, удивительная музыка. Многие не скрывали слез от переполнявших душу эмоций...

Впереди нас ждала Кахетия (организаторы попросили журналистов присоединиться к туру). Взяли курс на Сигнахи. В пути заводилой выступал Дмитрий Дибров, быстро завладев вниманием пассажиров микроавтобуса (что и стоило ожидать от профессионального телевизионщика), он уже не желал уступать кому-то лавры. Пели по

его предложению грузинские, русские, украинские песни – «ჟუჟუნა ზვიმა», «ალავერდი», «Гуляет по Дону казак молодой». Пейзажи за окном настроили на поэтическую волну. Читали стихи Есенина, Заболоцкого, Гумилева...

Надо сказать, Дибров был прав, когда говорил про корневую систему. Екатерина Семенова оказалась по отцу грузинкой. Екатерина Крупенина неплохо изъясняется на грузинском, друзья давно прозвали ее «пепела» (за то, что часто летает в Грузию). Анатолий Исаенко признался, что когда-то был влюблен в грузинку. Моим соседом оказался Николас Дадияни, коммерческий директор объединенной компании «Афиша» и «Рамблер». Он родился в Москве, но жил в Грузии какой-то период (переехал в Тбилиси в 1981 году), учился здесь в средней школе. Хранит об этой поре чудесные воспоминания. Впоследствии неоднократно приезжал к нам по работе – сотрудничал с компанией «Боржом», принимал участие в рекламных проектах для «Тойоты». Ныне прямым образом причастен к обновленному «Рамблеру». На пересмысление проекта ушло два года, зато было принято инновационное решение, преимущества которого уже оценили пользователи. В Сигнахи Николас Дадияни показал мне работы своего дяди – скульптора Гии Джапаридзе.

Гид показала гостям виноградники «Манави», дав подробную характеристику этого сорта, рассказала о крепостной стене, опоясывающей Сигнахи (по периметру стены сохранились 28 сторожевых башен). Алазанскую долину скрывал туман. И все-таки взору предсталась изумительная панорама. Сделав привал на точке 940 ме-

▲ Гости в Гурджаани

тров над уровнем моря, гости устроили фотосессию.

Смеркалось, когда мы подъехали к гурджаанскому арт-хаусу. На вид – обычный кахетинский дом, но ему сто лет. Хозяйка сохранила фотографии предков и коллекционирует предметы старины – ковры, посуду, кинжалы. В доме есть винный погреб и тонэ. Гостям продемонстрировали, как печется грузинский хлеб, готовятся чурчхелы. Попробовать себя в роли пекарши решила только Екатерина Семенова – уж слишком горячей была глиняная печь. Пока мы бродили по весеннему саду, пропахли насквозь дымом шашлыка. Застолье сопровождалось кахетинскими песнями в исполнении фольклорного ансамбля.

Самый важный тост этого вечера – за народную дипломатию. Первый камень в фундамент сотрудничества заложен. Каким будет здание, зависит от обеих сторон.

Медая АМИРХАНОВА

ЖИЗНЬ КАК ОБЯЗАННОСТЬ ИГРАТЬ В WATER POLO

Эта игра прошла через всю мою жизнь, говорит Зураб Чачава, вспоминая свой тбилисский дом на набережной, напротив легендарной «купальни». Брат Ростом тогда насильно притащил и бросил его, младшего в семье, в холодную и мутную воду, откуда он вышел умеющим за себя постоять, защитить слабого, быть справедливым, ибо главное для него – каким и с каким грузом человек идет по дороге жизни.

Память многократно возвращает его в июньское утро, которое разом перечеркнуло их безмятежное детство.

«Прощай, Лука, прощай!» - кричали с берега ребята постарше. Они торопливо прошли в калитку, ведущую к реке, поднялись на паром и в последний раз посмотрели на спортивную базу, и старый паромщик, с которым их связывали непростые отношения – у этих парнишек, достигших призывного возраста, никогда не было денег на проезд, и они чаще предпочитали добираться до купальни вплавь. Но теперь паромщик понимающе смотрел им вслед, как и хозяин этого детского

▲ Зураб Чачава

рая при воде Лука Александрович, и малолетки, которые в силу возраста оставались дома.

Мальчики шли на войну в первые же ее дни, и уроки плавания, которые они постигали на берегах Куры, потом помогали им сражаться и выжить на Днепре, Западном Буге, в Керченском проливе...

Забыты счастливые дни, когда они после занятий по плаванию устанавливали ворота, разграничивали поле для игры – загадочного и экзотического ватерполо, и произносили его младшие как заклинание, не смея мечтать, что когда-либо и они научатся технике владения мячом – поднимать мяч с воды, бросать, ловить, передвигаться с ним по полю, поражать ворота.

Но рядом с ними был Лука Иоакамиди, их великий педагог и воспитатель, и он присматривался к тем, кто постиг азбуку плавания, и думал, как постепенно их приобщить к водному поло. Для начала раздал несколько старых мячей – других просто не было – их надо было привести в рабочее состояние, сушить на солнце, смазывать гуталином, втирать, снова сушить и натирать до блеска. После нескольких тренировок мячи разбухали от воды, тяжелели, и приходилось начинать сначала.

Лука Александрович – батумец, земляк Зураба и Ростом Чачава, сын профессионального борца, которому довелось бороться с Иваном Поддубным, как и его ровесники, проявлял таланты во многих видах спорта – играл в волейбол, плавал, прыгал в воду с вышки, был даже чемпионом Закавказского военного округа по гимнастике. Он и от войны не бегал, нес ратную службу на Кавказе, на Сурамском перевале, командовал взводом, но потом его отозвали в Тбилиси – поручили преподавать военизированное плавание на офицерских курсах, здесь он был нужнее.

Но величие Иоакамиди-тренера проявилось, конечно же, в плавании и водном поло, где среди его учеников – чемпионы страны, призеры Олимпийских игр, победители крупных турниров – слава и гордость многих водных видов отечественного спорта.

В голодные военные и послевоенные годы Лука Александрович, вспоминает Зураб Чачава, проявлял чудеса изобретательства, чтобы подкормить своих занимающихся плаванием мальчишек и девчонок, - выискивал, вымаливал в учреждениях и конторах талоны

▲ Чемпион СССР 1955 г. московское «Динамо». Сидят: В.Карманов, П.Мшвениерадзе, Н.И. Малин, Н.Гвахария, М.Рыжак, стоят: А.Карташов, В.Архипов, Н.Малин, Л.Пуцинский, Г.Харегов, З.Чачава.

на дополнительное питание, предназначенные для их сотрудников. На эти талоны можно было иногда скромно пообедать в столовой Дома офицеров. Но талонов на всех не хватало, а ребят и после тренировки было не оттащить от воды, и Лука, он жил в радиорубке на бассейне, выносил жидкий супчик или отварные макароны в оловянных мисках, чтобы у его детей были силенки дотянуть до вечерних занятий.

Зураб Чачава, который для друзей, и в первую очередь ветеранов спорта, курного народа, как гордо они себя именуют, по-прежнему Зорик, бесконечно благодарен судьбе за то, что она на многие годы связала его с водным поло, одарила прекрасными учителями и талантливыми учениками, научила по-настоящему работать, любить, искать хорошее и верить в него... Он вечный должник этой замечательной игры и всю жизнь старался вернуть ей свой долг!

А теперь проследим, как Зураб Михайлович погасил свой вечный долг.

Последовав за признанным лидером своего поколения Петром Яковлевичем Мшвениерадзе в Москву, за своим другом Како, который за счет титанического труда стремительно выдвинулся в ряды лучших ватерполистов мира, стал бронзовым и серебряным призером Олимпиад в Мельбурне и Риме, и доцентом Академии МВД СССР, которого именовали не иначе как Петром Великим, Зураб Чачава стал играть с ним в московском «Динамо», провел в этой команде пять незабываемых лет, получил золотую медаль чемпиона СССР 1955 года, когда столичным динамовцам, преодолев психологический барьер, наконец-то, впервые удалось решить в свою пользу извечный спор с земляками – армейцами и торпедовцами. Почин оказался чемпионский, для динамовцев началась восьмилетняя, практически непрерывная серия побед – пять комплектов золотых медалей подряд. Но, к сожалению, уже без Зураба Чачава.

Здесь уместно вспомнить, как воспитанники грузинского водного поло оказались в Москве, защищая честь лучших московских клубов, что в свое время вызывало немало пересудов. Объяснение лежало на поверхности – в Тбилиси не было зимнего бассейна, вода в купальне курная, холодная, пригодная для занятий пять месяцев в году, и ключ к росту мастерства

ватерполистов лежал на дне благоустроенных зимних бассейнов. Это объясняет массовый исход на север самых лучших: Петра Мшвениерадзе, Михаила Рыжака, Нодара Гвахария, Георгия Харегова, Зураба и Ростом Чачава, Владимира Рашмаджана, Гиви Чикваная, Петра Бреуса, Владимира Клименко, Ираклия Схиртладзе, Виктора Романова...

Наступал год первой Спартакиады народов СССР, и союзные республики приступили к пополнению и усилению своих спортивных рядов. Зураб решил уходить из команды чемпионов, вместе с ним в Грузию вернулись брат Ростом, который выдвинулся как игрок и тренер, и Нодар Гвахария.

Решающую судьбу спартакиадного «золота» встречу сборная Грузии, как и ожидалось, проиграла москвичам, всего один мяч. По существу им противостояла сборная СССР, через год удостоенная бронзовых олимпийских медалей и тем самым вошедшая в квартет мировых грандов водного пола.

Но упрека в их адрес никто не бросил, команда добилась самого большого успеха в истории грузинского водного пола.

«Грузины сегодня играли – как звери!», - сказал старший тренер москвичей Николай Иванович Малин, проходя мимо Зураба и его товарищей, сидевших на бортике бассейна в Лужниках – уставших, довольных,

▼ С Петром Мшвениерадзе

▲ Серебряные призеры I Спартакиады народов СССР 1956 г. команда Грузии: Б.Мегедь, К.Аванесян-Чичинадзе, Н.Гвахария, В.Клименко, Р.Чачава (тренер), З.Чачава, В.Бартяев, И.Чхиквадзе, К.Потапов.

но несколько неудовлетворенных, аппетит приходит во время еды! Это была высшая оценка и похвала в устах человека, которому скоро вручили бразды правления в олимпийской сборной страны.

На второй Спартакиаде народов СССР (1959) Зураб Чачава в составе сборной Грузии завоевал бронзовую медаль, а годом раньше – медаль такого же достоинства, выступая в составе тбилисского «Динамо» в чемпионате страны.

В свете этих событий, да и последующих, трудно согласиться с предельно скромной самооценкой Зураба Михайловича: «Я всегда весьма скромно оценивал свою роль в водном поло, и не собираюсь менять эту позицию».

Это сказано человеком, который через три года вместе с братом ушел из тбилисского «Динамо», по совету руководителя спорта республики перешел работать в Грузинский политехнический институт, на многие годы связал свою спортивную судьбу с замечательным

человеком, выдающимся баскетбольным тренером Михаилом Кекелидзе, заведующим кафедрой физического воспитания и спорта, который предложил ему создать и тренировать институтскую команду ватерполистов.

Сказано обладателем звания заслуженного тренера Грузии и судьи международной категории, отсудившего матчи Олимпийских игр, Кубка мира, чемпионатов мира и Европы, специалистом этой опасной профессии – не случайно на соревнованиях высокого ранга безопасность судей обеспечивают личные телохранители.

Обслуживая матчи, находясь на бортике плавательного бассейна, где бушевали страсти, он демонстрировал творческое судейство, объективность, быстроту реакции, игнорирование факторов, мешающих нормальному проведению судейства, уважение и признание авторитетов, но без всякого раболепства и робости по отношению к ним, не теряя контроля над игрой в сложных критических ситуациях.

А еще он благодарен всем, кто предложил ему стать тренером нашей первой женской команды по водному поло, и в первую очередь своему старинному другу и коллеге Вове Гоиашвили, который сам ее тренировал, но занятость по основной работе – Владимир Александрович восемь лет был президентом Федерации водных видов спорта Грузии, заставила его остановить свой выбор на Зурабе Михайловиче Чачава. Однажды он тайком посетил занятия начинающих ватерполисток и отметил интересный материал. Ему повезло: он увидел несколько замечательных девушек, их и учить-то было нечему. Они могли составить костяк команды, которая могла реализовать самые амбициозные задачи, и она их реализовала со временем.

А пока надо было работать, ему и Важа Черткоеву, о лучшем единомышленнике в этой специфической работе с женской командой он и не мечтал.

Сегодня имена этих ватерполисток на слуху, некоторые не ушли из спорта, работают здесь же, на во-

▲ С Кирком Дугласом. Лос-Анджелес. Голливуд. 1983

▲ Команда «Иверия» (Тбилиси). Сидят: К.Гванцеладзе, М.Хизанишвили, Т.Лашкарашвили, Т.Чернышева, И.Бенделиани, стоят: Л.Мгеладзе, В.Иванова, О.Точилина, А.Маргиева-Чиковани, Р.Гванцеладзе, Н.Азатян-Надирадзе, Л.Корчилава, И.Азатян. 1987

дноспортивном комплексе «Лагуна-Вере», не скрывая смелого плана – возродить в Грузии женское водное поло.

А тогда у Зураба Михайловича тревожно екало сердце, когда после тренировки кто-то пытался провозжать их красивых девчонок. Выйдя замуж, их восходящая звездочка, как правило, прекращала занятия водным спортом. Сегодня такую проблему приходится решать Светлане Безродной, художественному руководителю камерного «Вивальди-оркестра». Но несмотря на охотников за невестами на трибунах, главная задача была выполнена – прошло чуть более трех лет, и 4 октября 1989 года, преодолев непонятное сопротивление руководителей отдела водного поло союзного Спорткомитета, первый официальный чемпионат СССР был выигран тбилисской «Иверией», которая до этого

▼ С Наташей Азатян-Надирадзе и Вовой Гоиашвили

стала сильнейшей профсоюзной командой в стране, а еще через год, ведомая Борисом Мегедем, удостоилась серебряных медалей второго чемпионата страны.

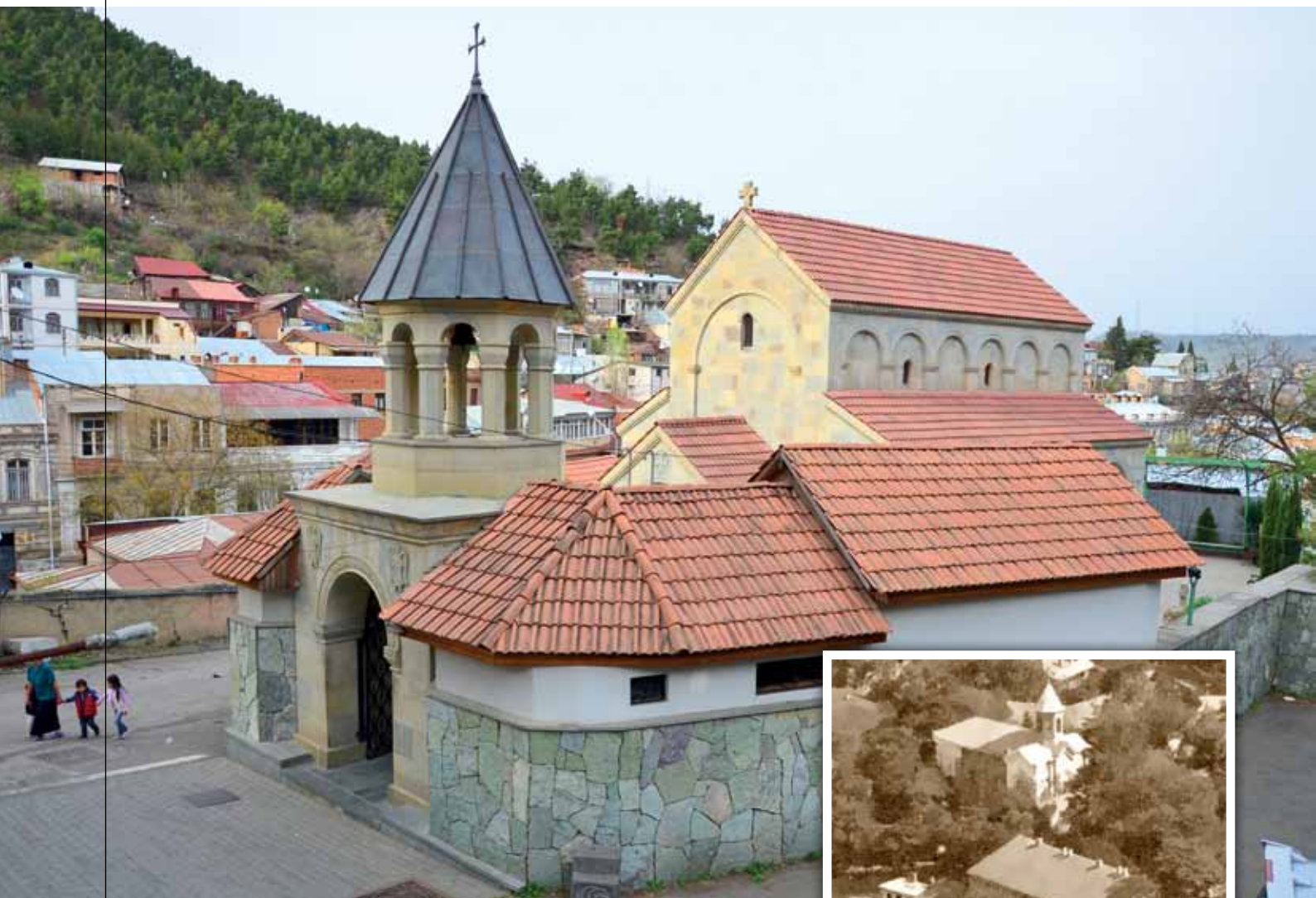
Назовем нескольких застрельщиц этого замечательного почина. Вика Иванова стала лучшим вратарем страны, Наташа Азатян-Надирадзе отлично справлялась с функцией разыгрывающей, игроки нападения Мака Хизанишвили, Нона Экизашвили, Алена Маргиева-Чиковани (дочь известного ватерполиста Бориса Маргиева), защитницы Тома Лашкарашвили, Тая Чернышева и Ира Корашвили, бомбардир Лела Мгеладзе из Кутаиси, выполняющая задачи так называемого «столба», игроки средней линии сестры Гванцеладзе. С такими золотыми девчатами можно было решать любые задачи. Но наступили иные времена...

Мы еще ничего не сказали об основной работе Зураба Михайловича Чачава, инженера-строителя. Выпускник ГПИ, он работал по специальности, в том числе в Иране, на строительстве в городе Ариашахра, занимался проблемами использования солнечной энергии в системах горячего водоснабжения, автор многих действующих гелиосистем, в том числе на курорте Пизунда.

Ветеран грузинского спорта считает: «Неважно, что сегодня тебя не помнят, ведь это не потому, что водное поло многие годы отвлекало тебя от твоей основной деятельности; могу предположить даже иное, а именно то, что лишь благодаря ему всех нас, ветеранов, еще кто-то иногда и вспоминает... В этом отношении нам, спортсменам, крупно повезло».

А вообще, как сказал его большой друг и остролов, замечательный вратарь и тренер Георгий (Жора) Харебов, если судьба играет человеком, то человек просто обязан играть в водное поло. И тут действительно трудно возразить против этой сентенции, которую охотно повторяет не одно поколение ватерполистов.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Сололакская Спасо-Вознесенская церковь

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

После того, как мы стали регулярно заглядывать на сололакские улицы, пора бы уже не удивляться, нити скольких (и каких!) родословных протянулись с них, связав Россию и Грузию. Ан, нет, очередное хитросплетение судеб изумляет, объединив людей, отдаленных во времени, пространстве, по роду занятий. Для Тифлиса все это – не помеха. Вот, например, заглянем в книгу отнюдь не литературную, а метрическую – сололакской Спасо-Вознесенской церкви. Речь в ней идет о человеке замечательном, но далеком от художественного творчества. Однако именно отсюда запросто можно попасть на страницу литературную, да еще посвященную Александру Островскому. Точнее – тому, как классик русской драматургии, 190-летие со дня рождения которого отмечалось в апреле, побывал в столице Грузии.

Итак, запись, сделанная в старинной церкви на со-

лакском склоне, извещает: 20 июля 1880 года на свет появился мальчик, родители которого неизвестны. Его взял на воспитание Александр Бахметьев, а восприемниками, то есть крестными, стали сам этот инженер и «дочь статского советника А.Шателена девица Ольга». Спустя 12 лет Тифлиссский окружной суд подтвердил усыновление мальчика Бахметьевым, еще через 6 лет Борис, закончив с золотой медалью 1-ю Тифлиссскую гимназию, а затем петербургский Институт путей сообщения, отправился в большую жизнь. И вошел в историю как выдающийся ученый в области гидродинамики, политический и общественный деятель. Он был товарищем (заместителем) министра во Временном правительстве, послом России в США, где и остался после Октябрьского переворота. Там он взял на себя заботу о российских эмигрантах, в том числе – о таких выдающихся людях, как изобре-

▲ Борис Бахметьев

татель телевидения Владимир Зворыкин, крупнейший астрофизик XX века Отто Струве, авиастроитель Игорь Сикорский, отец современной механики сплошных сред Степан Тимошенко... Он активно участвовал в подготовке документов для Парижской мирной конференции 1919-1920 годов, его имя носят в Штатах гуманитарный фонд и архив российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета....

Все это интересно, - вправе сказать читатель, - но при чем здесь Александр Островский? А все дело в том, что брат девицы Ольги Шателен женится на дочери знаменитого драматурга, а господин Бахметьев – брат жены Островского. И именно у него тот останавливался, когда приезжал в Тифлис. Скорее всего, в Сололаки – живя в другом районе, Бахметьев пошел бы в другую церковь. Вот и получается, что без тифлисцев, ставших родственниками Островского, знаменитый ученый не состоялся бы... А теперь нам пора перейти от этих людей к самому прославленному драматургу, который в 1883-м приехал в Грузию, как говорится, для улучшения душевного состояния.

В том году российский император Александр III жалует 60-летнему драматургу солидную пенсию – 3 000 рублей в год. Как председателю «Общества драматических писателей» Островскому разрешают создать в Москве новый, фактически его собственный театр. А это – заветная мечта Александра Николаевича. Она должна была воплотиться в красивое здание напротив Большого театра, с новейшими механизмами для сцены, тщательно подобранной труппой, огромным залом и дешевыми билетами. Но такую мечту 3 000 рублей не хватит, и полный надежд драматург начинает искать богатых меценатов. Но пока он добивается встреч с промышленниками и купцами, пока завтракает с ними и оговаривает условия, радужная мечта рушится в одночасье. «Сверху» появляется разрешение создавать частные театры любому, по всей стране. И когда в одной только в Москве довольно быстро стали строиться сразу два таких театра, стало ясно: привилегия, дарованная Островскому, уже ничего не стоит. Это большой удар: исчезло чувство независимости, снова надо было писать для чужих театров по пьесе к каждому сезону и зависеть от чиновников всех рангов.

И именно в эту, не самую лучшую пору жизни многие друзья советуют ему отправиться в Грузию. Что ж, совет, вполне естественный для российской литературной жизни любой эпохи: вспомним, сколько больших писателей и поэтов стремились с берегов Невы и Юзы на берега Куры, Арагви и Риони, чтобы найти духовное прибежище!

А тут как раз брат Михаил собирается в служебную поездку в Закавказье, и Островский пишет ему: «Сделай милость, возьми меня с собой на Кавказ: в Тифлисе меня давно ждут, там есть люди, которые мне покажут все интересное за Кавказом». Ответ не заставляет ждать: «Довези тебя до Тифлиса могу с полнейшим для нас обоих удобством... И по Кавказу... можем ездить вместе без всякого затруднения: я намерен его весь изездить... Я убежден, что эта поездка принесет громадную пользу твоему здоровью». Ну, а поскольку брат занимает не просто высокую должность, а пост министра государственных имуществ, можно не сомневаться, что эта месячная поездка и впрямь проходит в «полнейшем для обоих удобстве».

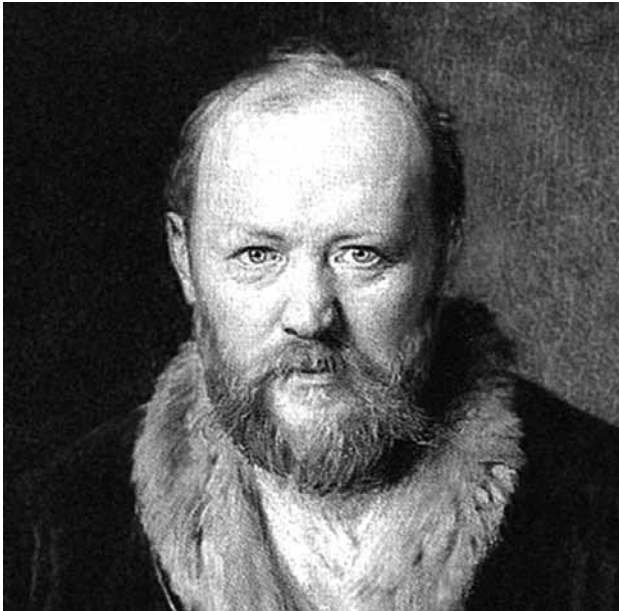
А теперь – слово русскому композитору, дирижеру, педагогу, общественному деятелю Михаилу Ипполитову-Иванову, за год до визита Островского приехавшему в Тифлис, и в течение 11 лет руководившему основанным им отделением «Русского музыкального общества», дирижировавшему оперным оркестром и преподававшему в музыкальном училище. Он сообщает: «К событиям этого времени следует отнести и посещение Тифлиса А.Н. Островским, нашим знаменитым драматургом, женатым на сестре моего друга А.Бахметева, проживавшего в то время в Тифлисе. У него Островский остановился, и у него-то я с ним познакомился». Вопреки расхожему мнению, Александр Николаевич в первые дни пребывания в грузинской столице вовсе не окунался в местную театральную жизнь. Он чувствовал себя неважно и старался попросту отвлечься от московских неудач, поближе познакомиться с городом и его обитателями. То есть, жил обычной жизнью туриста, оказавшегося в незнакомом, но очень интересном месте. В этом, как и в том, что Тифлис пошел на пользу его здоровью, мы можем убедиться, пролистав его дневник:

«3 октября. Понедельник... Со станции прямо к А. В. (Архипову – уполномоченному на Кавказе Министерства государственных имуществ – В.Г.) весь разбитый. Тифлис производит впечатление полуевропейского, полуазиатского города. Лег рано, ночью страдал, насморк и кашель. Спал мало. С 4 часов до 6 читал.

4. Вторник. Встал в 7 часов разбитый. Был у М.Н. (брата – В.Г.), который остановился со своей свитой в «Лондоне». Там встретился с главноначальствующим на Кавказе, князем Дундуковым-Корсаковым (Дондуковым – В.Г.), он встретил меня очень ласково и сейчас же пригласил обедать, я отказался по болезни...Обедал дома,

▼ Михаил Ипполитов-Иванов

▲ Александр Островский

у нас обедали чиновники М.Н. ... Ночь провел гораздо лучше.

5. Середа. Встал в 8 часов. Чувствую себя лучше, хотя одолел насморк, тем, должно быть, и выразилось мое нездоровье. Приехал ко мне смотритель музея немец Радде... Был в музее... Вечером отдыхал. Лег рано.

6. Четверг. Встал в 6 часов. В Тифлисе с самого нашего приезда холодно. Ни в одном доме нет двойных рам, к окнам подойти нельзя, так дует, но не сыро. Сегодня разгуливается, к 12 часам показалось солнце... Осматривал город: ездил на Веру, наверху горы духан, хороший вид на Тифлис, переехал Куру и был в Муштаиде, таким образом осмотрел всю западную часть Тифлиса. К обеду пришел Адольф Петрович Берже, знаток Кавказа и его истории; проговорил с ним весь вечер.

7. Пятница. Встал в 6 часов. Съездил к брату, видел офицера с прошением. Тип кавказского проходимца. До вечера дома. К 10 часам на железную дорогу. Тепло, как в августе. Вид на Тифлис».

Полубоившись этим видом и чувствуя себя намного лучше, чем до приезда, Островский на неделю отправляется в Баку. Сразу по возвращении – продолжение знакомств с Тифлисом, «осматривал город, был на Майдане и в армянских лавках». На следующий день – признание: «Чувствую себя хорошо. Гулял по Головинскому проспекту...» Самочувствие настолько хорошее, что из любознательного туриста Александр Николаевич уже может превратиться в профессионального консультанта – он помогает Ипполитову-Иванову писать новую сцену для либретто его оперы «Руфь». В своем дневнике он немногословен: «17. Понедельник. Был у брата, вечером был у нас Иванов – персидские, грузинские, мингрельские и другие песни». Еще одна краткая запись о встрече с композитором – за день до отъезда из Грузии: «Был Иванов с женой, привез ноты грузинских песен». А вот Ипполитов-Иванов вспоминает эти встречи намного подробнее. И нам эти воспоминания интересны тем, что они – свидетельство интереса Островского к грузинской культуре:

«Беседы наши касались больше всего вопросов искусства. Его очень интересовало положение грузинского театра, заря которого в то время только что загоралась... Он просил меня познакомить его с моими записями грузинских народных песен и частью церковного обихода, к переложению которого на ноты я только что приступил. Вслушиваясь в эти напевы, он, в связи с общим впечатлением от поездки по Кавказу и Грузии, высказывал свое

▲ Михаил Островский

удивление и восхищение культурой и изяществом грузинского художественного творчества как в литературе, так и в искусстве».

Но только этими беседами интерес Александра Николаевича к Грузии не ограничивается – поездку к князю Багратион-Мухранскому «в Мухрань (в Карталинию, Душетского уезда)» он использует и для того, чтобы познакомиться с местным бытом и традициями. В дневнике – не только восхитившая его природа, но и люди, работающие в садах, и подробное описание того, как изготавливается вино. А еще, читая этот дневник, можно обратить внимание на то, что нехарактерно для сегодняшних застолий с непривычными к обилию вина приезжими. Грузинское гостеприимство никак не пострадало в глазах гостя от того, что за роскошно накрытым столом, на котором был даже пудинг, облитый пылающим виноградным спиртом, было выпито всего четыре тоста. Три из них хозяин, представитель грузинской царской семьи, «старый николаевский генерал (73 л.), совершенно бодрый (на вид не более 55 л.)» поднял за каждого из братьев Островских и за всех гостей, а Михаил Островский провозгласил тост за здоровье хозяина – Ивана Константиновича Багратиона-Мухранского.

Еще одна поездка для знакомства с Грузией – в Батуми, всего лишь за 5 лет до этого отвоеванный у Османской империи. В дневнике – красочные описания «величественной, дикой, адской красоты» шторма, впечатления от города европейская часть которого «еще строится», перечень покупок (турецкий табак, портсигар, корбочка для колец), резкая характеристика «небольшой труппы французов», игравшей две одноактные пьесы: «Артисты имеют все недостатки, присущие французам, и очень мало достоинств». И очень большое внимание среди батумских встреч уделено «флигель-адъютанту, капитану 1 ранга, с Георгием, еще молодому человеку, белокурому, рослому, с добрыми, приятными глазами». Островский познакомился с ним еще в поезде, жил в одной гостинице, и моряк рассказывал ему «много интересного, как он атаковал с моря Батум, как пускал мины под турецкие броненосцы и прочее». Пройдет немного лет и этот батумский знакомый драматурга – Степан Макаров, герой русско-турецкой войны 1877-1878 годов, в которой он впервые в мире успешно применил торпедное оружие, станет известен во всех странах. Как знаменитый адмирал, океанограф и полярный исследователь, кораблестроитель и автор русской семафорной азбуки. Еще одна примечательная нить судьбы из хитросплетений,

▲ Князь Иван Багратион-Мухранский

связывающих Грузию с Россией...

Между тем, дорогие читатели, вполне можно понять, почему Островский так уничижительно отозвался о французской труппе в Батуми. Ему было с чем сравнивать, за день до отъезда в Аджарию он заявил: «Я и прежде слышал, что у грузин есть хорошая труппа, а сегодня сам убедился, что вы действительно хорошо играете. Мое удивление тем более велико, что вы так прекрасно разыграли пьесу, составленную не из ваших нравов. От души вас благодарю за честь и хорошую игру». Слова эти сказаны после спектакля в тифлисском театре Арцруни, стоявшем на том самом месте, где сейчас Грибоедовский театр и редакция журнала, который вы держите в руках. Именно там грузинская драматическая труппа организовала вечер в честь Островского. Впрочем, представим самому Александру Николаевичу возможность рассказать об этом. Цитата не такая уж маленькая, но она стоит того – никакие пересказы или выдержки из тогдашних газетных рецензий не заменят живого впечатления драматурга:

«Вечером в театре Арцруни грузины давали для меня спектакль. Вход в караван-сарай был иллюминирован; против входа, в караван-сарайе, был поставлен убранный зеленью и цветами транспарант с моим вензелем... У входа на улице, на лестнице и по галереям караван-сарая стоя-

ла несметная толпа народу. Когда я вошел, галереи... караван-сарая, по которым надо было проходить до театра, осветились бенгальскими огнями, и грузинский оркестр заиграл что-то вроде марша. Для меня была приготовлена средняя ложа, она была убрана зеленью, которая гирляндами опускалась донизу. При моем входе в ложу поднялся занавес, вся грузинская труппа в национальных костюмах была на сцене. Режиссер труппы прочел мне приветственный адрес, очень тепло и умно написанный, а грузинский поэт Цагарели прочитал свое стихотворение на грузинском языке, затем под аккомпанемент оркестра труппа запела по-грузински многолетие, вся публика встала и обратилась к моей ложе – многолетие, по требованию, было повторено. Я, разумеется, раскланивался и благодарил публику и артистов... Вначале шел 2-й акт «Доходного места» на грузинском языке. Роли Фелисаты Герасимовны, Полины и Юсова были исполнены очень хорошо. По окончании опять овации и рукоплескания, так что я устал раскланиваться. В антракте представители труппы принесли в ложу прочитанный адрес и лавровый венок от грузинских артистов. Потом шли две небольшие пьесы, из которых одна чисто бытовая, из грузинской крестьянской жизни; изображалось что-то вроде сговора или рукобитья с грузинской музыкой, песнями, плясками и со всеми обрядами. Очень интересное представление. В заключение, вместо дивертисмента, грузин и грузинка, в богатых костюмах, проплясали лезгинку. При выходе моем из театра были те же овации, что и при входе».

К этому можно добавить еще несколько моментов. «Две небольшие пьесы» - это впервые поставленный на грузинском языке водевиль классика армянской литературы, тифлисца Габриэла Сундукяна и первое действие комедии Авксентия Цагарели «Иные нынче времена». Приветственный адрес читал выдающийся грузинский актер Васо Абашидзе, в тексте – такие слова: «Ваше великое имя является гордостью Грузии так же, как и гордостью России. Мы счастливы, что на нашу долю выпало быть духовным посредником союза этих двух народов, между которыми существует взаимная любовь и сочувствие друг к другу». А сам Островский сказал актрисам Марии Сапаровой-Абашидзе и Натю Габуния: «Пока вы живы, моя Полина не умрет». И вообще, он долго беседовал с артистами – призывал их создать труппу на постоянной основе. Об этом же, о необходимости правительственной поддержки грузинского театра он всерьез говорил и главноначальствующему на Кавказе Александру Дондукову-Корсакову, Но, как водится во многих «верхах» и по сей день полезная рекомендация осталась лишь благим пожеланием.

Знаменательным этот вечер оказался еще и потому, что Александр Николаевич вновь встретился на нем с человеком, которого называют «армянским Островским»

Гостиница ▼
«Лондон»

▲ Артистический кружок

- тем самым Сундукяном, чей водевиль шел после «Дорожного места». Они познакомились еще до этого, за обедом в доме Бахметьева, а в театре, во время перерыва, Габриэл Мкртычевич «побежал наверх, чтобы пожать его дорогую руку, что и исполнил, встретив его в коридоре». Братья Островские пригласили Сундукяна в свою ложу, где они вместе и завершили вечер. А перед отъездом московского драматурга Сундукян, уже по договоренности, приходит к нему и передает роскошные издания четырех своих пьес на армянском и грузинском. Посвящение гласит: «Александру Николаевичу Островскому, в знак глубокого уважения от автора». Но все это – в подарок, а вот вариант одной из этих пьес – «Пэпо», рукописный, в собственном переводе на русский, передается уже для работы. Островский заинтересовался пьесой и взял ее в Москву, пообещав «посмотреть, исправить, если нужно, язык и поставить ее там на сцене». Увы, сделать это он не успел. А Сундукян до конца жизни называл Островского в числе тех драматургов, которые «неразлучны с ним».

▼ Габриэл Сундукян

Еще один спектакль в честь московского гостя, уже на русском языке, дает после его возвращения из Батуми любительский «Артистический кружок», основанный знаменитым тифлисским меценатом Исаем Питоевым. В здании нынешней Академии художеств на Грибоевской улице представлена комедия «Не в свои сани не садись». Еще раз заглянем в дневник драматурга: «Дом в персидском вкусе, богатая отделка... Игра любительская. Были более чем удовлетворительны Дуня – Акинфиева и Бородкин – Бакулин (товарищ прокурора). Ужин с тостами, с пением многолетия (по-грузински)». А в ответном слове Александр Николаевич доказывает, что краткость – сестра таланта: «Я от души благодарю вас за искреннее сочувствие к моей литературной деятельности, но вы преувеличиваете мои заслуги. На высокой горе над Тифлисом красуется великая могила Грибоедова, и так же высоко над всеми нами парит его гений. Не мы, писатели новейшего времени, а он внес живую струю жизненной правды в русскую драматическую литературу».

Словом, приему, который Островскому оказал Тифлис, можно позавидовать. И это не только льстило самолюбию пожилого человека, которого чуть не подкосили московские огорчения. Приезд в Грузию доказал, насколько его знают и любят далеко от Москвы, он признавался, что поездка произвела на него прекрасное, освежающее своей новизной впечатление. Более того, она сказалась и на его творчестве. Через год после расставания с Грузией он признается, что пьеса «Без вины виноватые» написана «после поездки на Кавказ, под впечатлением восторженного приема, какой оказывала мне тифлисская публика». Он даже решает пойти еще дальше – написать текст для оперы на кавказскую тему. Но тоже не успевает.

Ну, а Тифлис может гордиться, тем, что сумел в последнюю для классика поездку в иные края сделать для него то же, что и для всех русских литераторов, приехавших на берега Куры. Сумел приютить и поддержать в трудную минуту, очаровать, передать свою жизненную силу, вдохновить на новые сочинения.

И как жаль, что новая встреча с Тифлисом, о которой так мечтал Александр Николаевич, так и не состоялась. Кто знает, может, после нее в жизни Островского еще что-нибудь изменилось бы к лучшему?

Владимир ГОЛОВИН

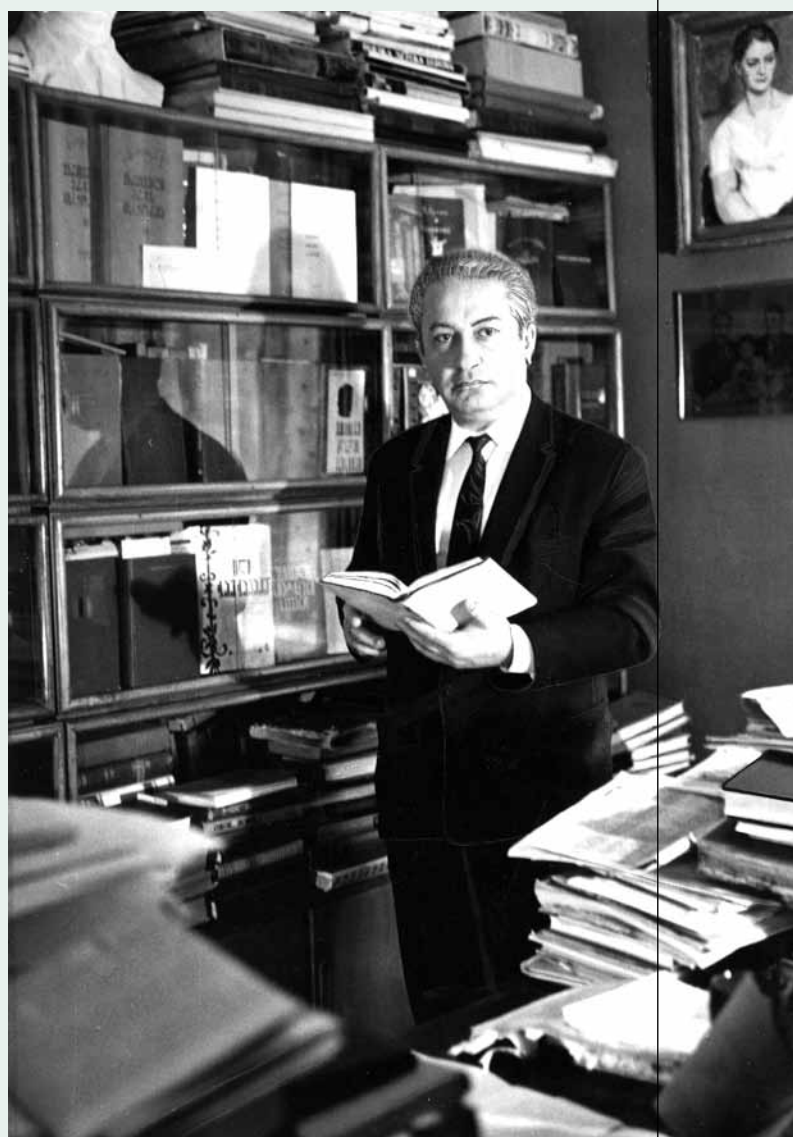
РЫЦАРЬ УШЕДШЕЙ ЭПОХИ

С каждым десятилетием советская эпоха отдаляется от нас все больше, и сетка событий становится все расплывчатее и крупнее. Гулливеры недавнего прошлого разительно уменьшились в размерах – современному человеку они представляются мало чем примечательными личностями, не заслуживающими не только изучения, но и элементарного внимания.

Смена идеологий всегда сопровождается девальвацией шкалы устоявшихся ценностей и пересмотром масштабов. Однако есть личности, профессиональные и человеческие качества которых не подлежат переоценке при смене мировоззренческих парадигм. К их числу по праву принадлежит академик Георгий Николаевич Джигладзе (1913-1990), в сферу интересов которого входили многие отрасли гуманитарного знания – эстетика и педагогика, литературоведение и критика, журналистиковедение и искусствоведение. Этот универсализм как нельзя лучше характеризует кипучую натуру Георгия Николаевича, устремленную к познанию человека в его синтезе с природной и общественной жизнью. Основные методы, который ученый эффективно использовал в своих исследованиях, – биографический, культурно-исторический и сравнительно-исторический.

На протяжении целого ряда десятилетий Г.Джигладзе как исследователя волновала категория Прекрасного и проблема отношения искусства к действительности. Именно этим двум проблемам были посвящены его кандидатская и докторская диссертации. Твердая убежденность (подкрепленная множеством аргументов) автора в том, что эстетические факторы, должным образом задействованные в процессе воспитания, способны реально влиять на судьбу человека, выводят автора за пределы материализма и ставят его в один ряд с гуманистами прошлого.

Эстетические и педагогические идеи Г.Джигладзе синтезированы в труде, удостоенном премии им. Якоба Гогешашвили, – «Принцип эстетического воспитания» (1968, рус. перевод 1971). Известный английский ученый-кавказовед Дэвид Лэнг справедливо отметил, что «значение этой книги намного шире ее неприятного заголовка». Теоретические положения труда удачно подкреплялись богатым педагогическим опытом самого автора, что придавало аргументам особую вескость и доказательность. В частности, по глубокому убеждению Г.Джигладзе, «эстетическое воспитание ребенка следует начинать не в детском саду и не с первого класса. Это уже естественное продолжение необходимого, но отчасти запоздалого. Первому пробуждению сознания

▲ Георгий Джигладзе в рабочем кабинете. 1971

ребенка должна сопутствовать забота об его эстетическом воспитании... Начальное эстетическое воспитание можно и следует начинать с момента пробуждения сознания ребенка, когда он видит и различает предметы».

Одно из лучших исследований ученого в области педагогики – сочинение «Философия Коменского», выпущенное Тбилиским государственным университетом в 1978 году. (Второе дополненное и исправленное издание вышло на русском языке в серии «Труды действительных членов и членов-корреспондентов АПН СССР» в издательстве «Педагогика» в 1982 г.). Исходя из верной посылки, что «всякая известная науке педагогическая теория должна рассматриваться как разветвление философского учения в области воспитания», Г.Джигладзе пришел к естественному заключению, что «можно быть педагогом-практиком, ничего не смыслящим в философии, но невозможно быть педагогом-теоретиком, не просвещенным в вопросах философии». Ценность труда Г.Джигладзе состоит в том, что впервые в педагогической науке воззрения выдающегося чешского мыслителя и педагога Яна Амоса Коменского (1592-1670), младшего современника Шекспира и Сервантеса, были осмыслены как цельная философская система. Сочинение грузинского ученого полу-

▲ На фоне своих трудов

чило международное признание, а в 1979 г. за заслуги в области комениологии он был удостоен одной из самых почетных наград Чехословацкой Республики – медали Яна Амоса Коменского.

Любопытно, что толчком к изучению наследия чешского мыслителя послужил конспект Георгия по педагогике, который он вел, будучи учеником кутаисской средней школы, - факт, свидетельствующий о высоком уровне педагогических знаний в грузинских учебных заведениях 1920-1930-х гг. Труд академика Г.Джибладзе подтвердил высокий авторитет национальной педагогической школы (Георгий Тавишвили, Давид Лордкипанидзе, Георгий Кикнадзе, Варлам Каджая, Сергей Сигуа и др.), у истоков которой стоял Якоб Гогешашвили. В основу отношения учителя к ученику у Г.Джибладзе положен принцип максимально бережного отношения к личности на всех этапах ее формирования, при этом любая форма девиантного поведения ученика не является поводом к пересмотру избранной стратегии.

Не следует забывать и о том, что на протяжении многих лет Г.Джибладзе на посту министра просвещения, а затем и министра высшего и среднего специального образования Грузии непосредственно руководил процессом организации обучения в школах и вузах республики, причем руководил успешно и эффективно. При этом он находил время работать и над учебниками грузинской литературы для средней и высшей школы, и заниматься учебно-методической работой. Его рекомендации по методам и способам изучения грузинского языка как неродного сохраняют свое значение и по сей день.

Признанием заслуг ученого является и тот факт, что именно Георгию Николаевичу Джибладзе предложили стать редактором впервые издававшихся в

полном объеме на русском языке педагогических сочинений Жан Жака Руссо и написать к двухтомнику вступительную статью (Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1981).

Литературоведческим студиям академик Г.Джибладзе отдавал большую часть своего времени: среди его многочисленных трудов особо значимыми являются исследования по древней и новой грузинской литературе. Ряд работ ученого посвящен поэтике романтизма, причем для иллюстраций тех или иных положений автор прибегает к широким параллелям из западноевропейской и славянских литератур.

Дар критика с особой силой проявился у Г.Джибладзе при описании современного культурного процесса. Не было ни одного мало-мальски значимого имени или заметной тенденции в культуре, не отразившихся в его многотомных «Критических этюдах» или статьях в периодической печати.

Настоящий беглый обзор охватывает лишь ничтожную часть богатого научного наследия академика Георгия Джибладзе: им создано более 50 монографий и написано свыше 500 статей. Одни труды ученого требуют, на наш взгляд, переиздания как не потерявшие своей актуальности, другие – перевода на русский и западноевропейский языки. Так, в монографии, посвященной критике психоаналитической эстетики Фрейда, использован богатый и редкий фактический материал, выдвинуты серьезные контраргументы в интерпретации текстов Шекспира, Ибсена, Достоевского.

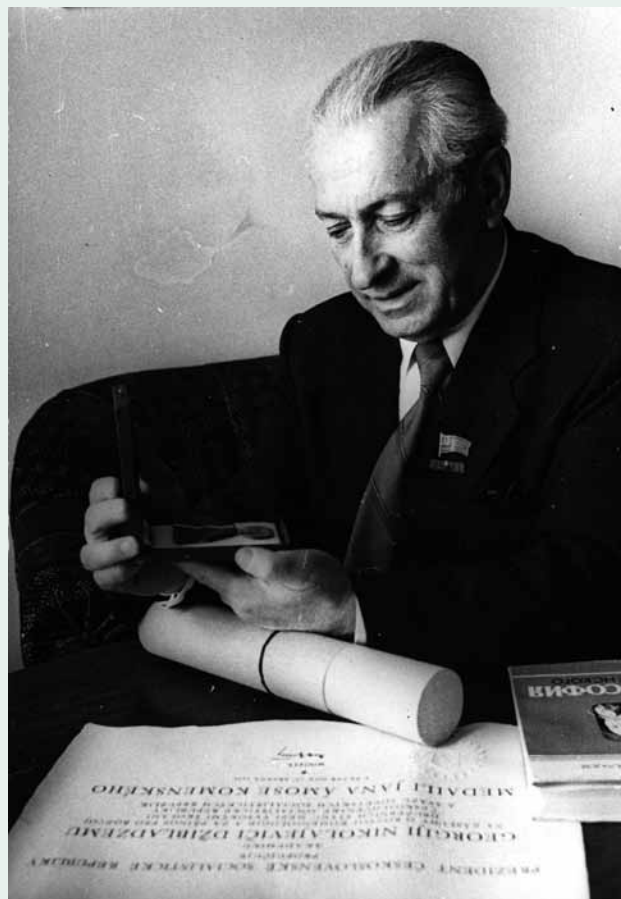
В 1980-е годы академик Джибладзе усердно работает над изучением философско-эстетического и художественного наследия великого мыслителя Востока Авиценны. Как он просто объясняет в пре-

дисловии, «гениальность Ибн Сины – Авиценны была причиной того, что мы увлеклись его произведениями, жизнью и судьбой». Однако гениальность гениальности разнь. Гений Авиценны распространялся на обширные области знания, и Георгию Джигладзе был близок именно его универсализм, системный характер мышления Авиценны. В те годы Георгий Николаевич обстоятельно ознакомился с очень многими текстами, так или иначе связанными с именем Авиценны. Вспоминается один эпизод. В 1985 году мне удалось достать для своей домашней библиотеки только что вышедшие в Алма-Ате в переводе с арабского на русский «Историко-философские трактаты» Аль-Фараби, предшественника Ибн Сины. Большая часть этих трактатов издавалась впервые. Помню, с каким рвением Георгий Николаевич штудировал эту книгу, в которой остались его пометки. В 1986 году на русском языке выходит монография Г.Джигладзе «Системы Авиценны», которую автор скромно назвал «экзотерическим очерком», «популярным теоретическим исследованием, а не строго научным трудом». Однако «очерк» смело можно назвать мини-энциклопедией: помимо десяти глав, посвященных различным аспектам многогранной деятельности Авиценны, прилагаются его автобиография, таблица основных дат жизни и творчества, а также снабженный комментариями перечень произведений мыслителя. Отдельная глава книги посвящена истории изучения наследия Ибн Сины в Грузии, в частности, в трудах Шалвы Нуцубидзе. Особый интерес представляет и тема «Руставели и Авиценна», составившая содержание одной из глав монографии.

Георгий Николаевич Джигладзе прожил яркую, наполненную запоминающимися событиями, жизнь. Занимал высокие государственные и партийные посты, до последних дней жизни был вице-президентом Академии наук Грузии. Автора этих строк, готовившего в середине 1980-х гг. докторскую диссертацию, Георгий Николаевич одаривал вниманием и творческой дружбой. В последние годы жизни Георгий Николаевич сильно страдал: не мог примириться с трагической гибелью любимого внука.

Человек, ставивший во главу угла эстетическое начало, сам обладал прекрасным лицом и манерами. На моем рабочем столе в помещении возглавляемой мной кафедры стоял портрет дорогого учителя. Лицо Георгия Николаевича приковывало к себе внимание всякого входящего. Такое лицо могло быть только у человека прекрасной души.

Призывавший учителей в своих педагогических трудах к гуманному отношению к ученикам, академик Джигладзе и сам был образцом чуткого отношения к своим многочисленным ученикам. При всей своей занятости служебными делами и загруженности научной работой он был готов в любую минуту откликнуться на любую просьбу, проявляя неизменную отеческую заботу о младших. Среди тех, кто обращался к Георгию Николаевичу с каким-нибудь вопросом, предложением или просьбой, нельзя было найти человека, не облагодетельствованного или не обласканного им, не удостоившегося его внимания. Он проявлял сердечное участие даже в тех делах, которые выходили далеко за рамки его интересов или полномочий. Доброта, бескорыстие и великодушные в сочетании с мужеством, принципиальностью и решимостью идти на любые неприятности ради истины возводили его характер в рыцарское до-

▲ Награда за монографию «Философия Коменского». 1979

стоинство. Талант академика Джигладзе и его прекрасные душевные качества в полной мере оценил классик советской литературы Михаил Шолохов, в каждый свой приезд в Грузию останавливавшийся у своего «старого друга».

Не зная доподлинно о том, что происходило в душе Георгия Николаевича в последние годы его жизни, могу предположить, что он отошел от навязанных советской идеологией атеистических убеждений и пришел к вере, которая питала не одно поколение его предков. Свидетельством перемены можно считать и встречу Георгия Николаевича с Католиком-Патриархом Всея Грузии, которая состоялась за несколько дней до кончины ученого. Предпосылки к обретению своего подлинного «я» у Георгия Николаевича были – в своей повседневной жизни он соблюдал большую часть критикуемого им с классовых позиций морального «кодекса Иоанна», состоящего из 75 пунктов (Иоанн Батонишвили. «Калмасоба»).

Правительство Грузии по достоинству оценило вклад академика Г.Джигладзе в национальную культуру. Были учреждены две именные стипендии для студентов и аспирантов, открыт кабинет эстетического воспитания имени Г.Джигладзе в Тбилисском государственном университете, установлена мемориальная доска на доме, где он жил. Улицам в Тбилиси и Кутаиси было присвоено имя ученого.

Скоро будет почти четверть века, как академика Джигладзе нет с нами. Время бежит по-разному для близких усопшего, для его учеников и тех, кто его знал.

Да обретет душа его покой в небесных селениях!

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

▲ Сцены из спектакля «Воспоминание»

ЧИСТЫМ ИМЕНЕМ НАЗОВИ

*Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас – его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.*
(А.Кушнер)

13 марта 2013 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося русского детского писателя Сергея Владимировича Михалкова. В историю советской литературы Михалков вошел как поэт, сказочник, драматург, автор педагогических трудов, баснописец, переводчик, автор текстов трех гимнов. Но все же его имя ассоциируется у нас именно со стихами для детей. Не одно поколение мальчишек и девчонок выросло на книгах Михалкова. Ну, кому из нас в детстве не читали «Дядю Степу», «Я ненавижу слово «спать»» или «Дает корова молоко»? Поэтические образы михалковских героев всегда яркие, их язык выразителен и легок, сюжеты Сергея Владимировича полны доброй иронии, потому, не овладев премудростями азбуки, ребенок без труда декламирует наизусть: «Дело было вечером, делать было нечего...», «Красота! Красота! Мы везем с собой кота...» и другие полубившиеся строки. Почему без труда? Да потому, что стихи Михалкова не нужно заучивать, они просто запоминаются.

26-27 марта в Малом зале Грибоедовского театра прошел спектакль «Воспоминание» - новая творческая работа театральной студии «Золотое крыльцо». По сло-

вам художественного руководителя и режиссера Ираиды Квижинадзе, «Воспоминание» - дань памяти «дяде Степе» - Михалкову. Для многих ребяташек Михалков был и остается первым учителем, с самого раннего детства его стихи учат нас добру, отзывчивости, трудолюбию, любознательности, дружбе... Создавая спектакль хотелось не только еще раз вспомнить любимые с детства стихи, возникла идея попытаться прикоснуться ко времени, подарившему нам замечательного поэта, создать своеобразный слепок образов героев и событий, ушедшего двадцатого столетия...»

И с этой задачей коллектив «Золотого крыльцо» справился блестяще. Следует отметить значительный рост воспитанников Ираиды Владимировны Квижинадзе.

Игра юных актеров была в этот раз особенно «живой», убедительной и проникновенной.

Режиссер Квижинадзе избежала банальной декламации михалковской поэзии. Звучащие в первом отделении спектакля стихи детского классика создают основу сюжетной линии поэтической композиции. Каждое стихотворение – не просто зарисовка, а своеобразный мини-спектакль, имеющий свою динамику развития и кульминацию. Переведенные на театральный язык, стихи Михалкова могли бы существовать на сцене как самостоятельное действие, однако режиссер пошла дальше – придала литературному материалу некую кинематографичность. В начале спектакля мы оказываемся в одном из множества советских дворов, становимся участниками игр и общения ребят – «...дело было вечером, делать было нечего...» Заглядываем к школьнику, у которого хоть и «дает корова молоко», но оставляет кляксы в тетрадке. Наблюдаем за тем, как «мальчик с девочкой дружил» и как из чистой дружбы рождалось первое романтическое чувство, и как оказались они уязвимы неосторожным словом, недобрый взглядом. Мы следили за взрослением этих ребят и провожали их с выпускного вечера на фронт в июне 1941-го.

Создавая «Воспоминание», Ираида Квижинадзе не ограничилась цитированием поэзии Михалкова. Глубже почувствовать время нам помогают стихи его совре-

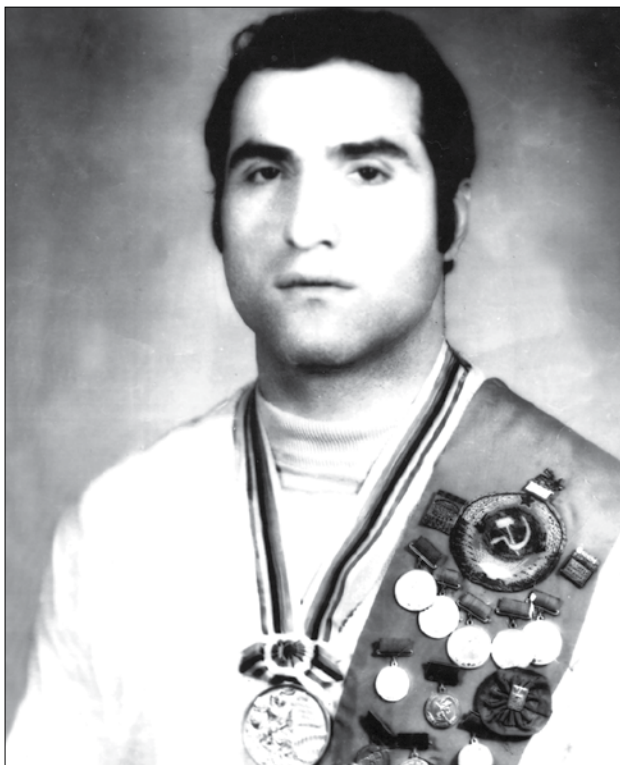
менников поэтов-фронтовиков. К сожалению, их имена мало знакомы широкой аудитории. Тем пронзительнее звучат строки Александра Яшина «Назови меня именем светлым, чистым именем назови...» и Сергея Орлова «Голос первой любви моей, как ты мог уцелеть?..»

Сильнейший по своему эмоциональному воздействию, финал первого отделения спектакля – звучащие как молитва строки Марии Петровых «Назначь мне свиданье на этом свете, назначь мне свиданье в двадцатом столетии...» Произносятся они от лица четырнадцати юных красавцев солдат, уходящих на войну. «Воздух времени» нам помогает ощутить и музыка. В спектакле звучат песни Исаака Дунаевского, Микаэла Таривердиева, Александры Пахмутовой, Игоря Щербакова.

Во втором отделении спектакля юные актеры «Золотого крыльца» представили инсценировку по пьесе Ники Квижинадзе «Ландыш и ромашка». Тема войны, «озвученная» в первой части спектакля, обретает черты отчетливо трагические. Создавая свою пьесу, Ника Квижинадзе много работал с бесценными документами того времени – фронтовыми письмами, и именно они лежат в основе диалога главных действующих лиц, юноши и девушки (Эрик Тарханидис, Тамар Бобохидзе). «Ландыш и Ромашка» - «обычная» для войны история. Но эта история не может не трогать сердца, потому что она о первом чувстве, несбывшихся надеждах. О великой силе любви, которая способна преодолеть все – пространство, время, войну и даже смерть.

*Память правдой своей расплетает
Мою жизнь по ниточкам.
Проплывают минуты, мгновения, года.
Вспоминаются юные годы –
Время забытое,
Потому что оно остается со мной навсегда...*

Юлия СИБЕРСКАЯ

▲ Тамаз Мачавариани

ВЕРНОСТЬ ВЫБОРА

Нашего друга, Тамаза Мачавариани, я назвал бы великим человеком. В начале шестидесятых молодым парнем он пришел в борцовский зал «Петрес дарбази» на тогдашней Орджоникидзевской улице, к тренеру, имя которого получила эта кузница чемпионов, и убедился в правильности своего выбора. Но пока он только учится.

Однажды на занятия пришли пятеро мужчин, чья крепкая стать выдавала их принадлежность к борцовской элите. Двое из них немедленно облачились в спортивную форму и начали бороться. Их единоборство привлекло внимание старших. Кто-то сообщил шепотом: «На ковре – Гиви Картозия и Давид Цимакуридзе». Олимпийский чемпион Мельбурна-56 и олимпийский чемпион Хельсинки-52, соответственно в классической и вольной борьбе, на этот раз поспорили, кто из них окажется удачливее в вольной.

Тамаз, не отрывая глаз, следил за схваткой. Как потом признался, ее он никогда не забудет.

Впрочем предоставим слово самому Тамазу Мачавариани. «О подвигах на ковре Картозия был много слышан. Именно его пример обусловил мой выбор в спорте. Занятия спортом выработали во мне такие качества, как правдивость, выносливость, гуманность, упорство и стремление к высшей цели, быть прежде всего человеком везде и во всем. Эту методику воспитания прививали нам педагоги-тренеры посредством большого кропотливого труда, поэтому борцовский зал для спортсменов – и дом, и крепость, и страна...»

В числе тренеров, которые самоотверженно выполняли свое назначение, как и родители, за нас несли ответственность перед обществом, были для него приме-

ром, мой друг и коллега называет своего личного тренера Петра Иорданишвили, Вахтанга Балавадзе, Леонида Дзеконского, Льва Капитанова, Нерсеса Акопова, Кале Шекиладзе, Илью Бобохидзе, Георгия Вардзелашвили, Давида Гванцеладзе и автора этих строк, и добавляет: «В наших сердцах они всегда останутся светлой и очень родной легендой».

Вот какой это труд – выковать в молодом парне чемпионский характер, неутолимую жажду подвига и побед!

Особо он выделяет для себя очень близкого по спортивному духу человека и педагога Гиви Картозия, правдивого, строгого и одновременно добрейшего рыцаря XX века, олимпийского чемпиона, трехкратного чемпиона мира и обладателя Кубка мира.

Вспоминает 1965 год, когда по просьбе председателя Спорткомитета Грузии Георгия Сихарулидзе Гиви Картозия в 1965-1972 гг. был старшим тренером сборной команды республики по классической борьбе.

Через год Тамаз в ранге серебряного призера молодежного первенства страны, будучи в Свердловске, вышел бороться на ковер «взрослого» чемпионата СССР и бросил вызов, по существу сильнейшим в мире средне-весам. И удостоился золотой медали! А кто остался позади? На втором месте – спартаковец из Новокузнецка Валентин Оленик, который тремя месяцами раньше стал чемпионом мира в Толедо и был вторым на Олимпиаде-68 в Мехико. Третий – армеец из Москвы Анатолий Киров, 3-кратный чемпион СССР (1962, 64, 65), бронзовый призер чемпионата мира-62 в Толедо.

Вот таких выдающихся мастеров удалось превзойти нашему борцу в свой дебют на большом ковре, он выиграл все схватки.

Неудивительно, что после такой яркой победы Тамазу Мачавариани было присвоено звание мастера спорта международного класса.

«Перед началом каждого поединка, - вспоминает Тамаз, - ко мне подходил Гиви Картозия, он клал руку на мое плечо и подбадривал словами: «Ты сильный и всех победишь. Ну, с богом, иди, иди!» Это придавало мне дополнительные силы. Я никогда не забывал, что выступал в весовой категории моего кумира, понимая всю полноту ответственности. Победа в Свердловске была первой и самой радостной для меня. Я стоял на пьедестале почета и слушал гимн Грузии, гордый тем, что осуществилось мое скромное желание – оправдать надежды великого человека, который в первую очередь требовал от нас, молодых, рыцарской борьбы, учил, даже в случае финала чемпионата мира не прятаться за спиной соперника, это недостойный поступок, и тому, кто так поступает, не место в борьбе. Это мы услышали от него на сборе в Леселидзе, и он обучал нас приемам и рассказывал сотни историй, личным примером подтверждая, что мужество, поддержка в беде и радости, порядочность и справедливость – правила его жизни».

Увлечение Тамаза борьбой началось в детстве. Родители поначалу нашли у него задатки будущего музыканта и определили в класс фортепиано Дворца пионеров, но после первого же урока он увидел своих сверстников в борцовском зале и поставил твердую точку на занятиях музыкой. Отныне его курс определился – он держал путь в «Петрес дарбази»...

Время подтвердило правильность выбора.

В апреле 1968-го на чемпионате страны в Куйбышеве Тамаз, окончив ничьей финальную схватку с выдающимся грузинским борцом, чемпионом Европы Осмаром Биадзе, удостоился серебряной медали, отодвинув на третье место того же Оленика.

В 1970 году Мачавариани во второй раз стал чемпионом страны – в Таллине. В финале победил алмаатинца Анатолия Назаренко, одного из сильнейших борцов мира. Назаренко через три месяца в канадском городе Эдмонтоне стал чемпионом мира и потом дважды (1974, 1975) повторил это высшее достижение; в промежутке в Мюн-

▲ Команда Грузии – победитель розыгрыша Кубка СССР 1973 г. Третий справа – Т.Мачавариани

хене (1972) стал вице-чемпионом Олимпийских игр.

Но и Тамаз не собирался сложить оружие. В 1973 году в Челябинске он в команде стал победителем розыгрыша Кубка СССР по классической борьбе старшего и младшего возрастов. Капитаном старшей сборной Грузии был Т.Мачавариани. Победным оказалось и выступление сборной младшего возраста, где капитаном избрали Михаила Саладзе, будущего чемпиона мира-81.

▼ Два капитана – Михаил Саладзе и Тамаз Мачавариани

Тамаз Мачавариани – третий на Спартакиаде народов СССР 1971 года (победой здесь отметился А.Назаренко), а потом в 1974 году дома всех превзошел на традиционном Тбилисском международном турнире по классической борьбе им. Г.Картозия.

Кстати, Т.Мачавариани – основатель и президент международного Фонда им. Гиви Картозия и Вахтанга Балавадзе.

Это – последние спортивные выступления нашего друга, капитана сборной республики (1965-1975) и многократного чемпиона Грузии, которую он прославил своими большими победами.

Окончив экономический факультет Тбилисского государственного университета им. Ив.Джавахишвили (1973) и аспирантуру при нем (1985) и Грузинский институт физической культуры (1971), он в разные годы был директором завода «Агрегат» и председателем его наблюдательного совета.

Православный христианин Тамаз Вахтангович Мачавариани с гордостью отмечает, что по благословению Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II ему выпала возможность восстановления и строительства храма св.Гиоргия в селе Гориджвари Сачхерского района, а также храма Троицы в селе Чиха Сачхерского района.

Ему присвоено звание почетного гражданина Сачхерского района.

Этими богоугодными деяниями не исчерпывается список его дел. В 1988-1990 гг. он учредил в ТГУ стипендию им. Давида Агмашенебели и Царицы Тамар на факультете истории Грузии и филологии грузинского языка и литературы.

Основатель и председатель общества борцов Грузии «Раинди» («Рыцарь»), он, думая о завтрашнем дне родной страны, говорит о своей сокровенной мечте: «Нам бы хотелось, чтобы наши спортсмены имели свой Дворец борьбы. Авторитет борцов Грузии, как одних из сильнейших в мире, заслуживает этого вполне. Здесь спортсмены могли бы развиваться духовно и интеллектуально, стойкие духом в интересах своей родины».

Прекрасно сказано. Тут ни прибавить, ни убавить.

Мераб ГУДУШАУРИ

ЗА СТЕНОЙ СТОИТ АПРЕЛЬ...

**Вот девочки – им хочется любви.
Вот мальчики – им хочется в походы.
В апреле изменения погоды
объединяют всех людей с людьми.**

Белла Ахмадулина

В Тбилиси бушует весна и отступать явно не собирается. Город покрылся нежно-зеленой дымкой, наполнился птичьим гамом и ароматами цветущих деревьев... Детвору уже не загонишь домой, теплыми вечерами так здорово погонять мяч или сыграть в прятки, а не сидеть в компании героев компьютерных игр. За стеной стоит апрель.

*На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели...
Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко...*

(О.Мандельштам)

Апрель – месяц греческой Афродиты, римской Венеры и богини этрусков Апру, у древних русичей – березозол, во время которого заготавливали березовый сок.

В апреле по народным приметам медведи покида-

ют свои берлоги, лисы меняют старые норы на новые, а вороны переселяются в новые гнезда.

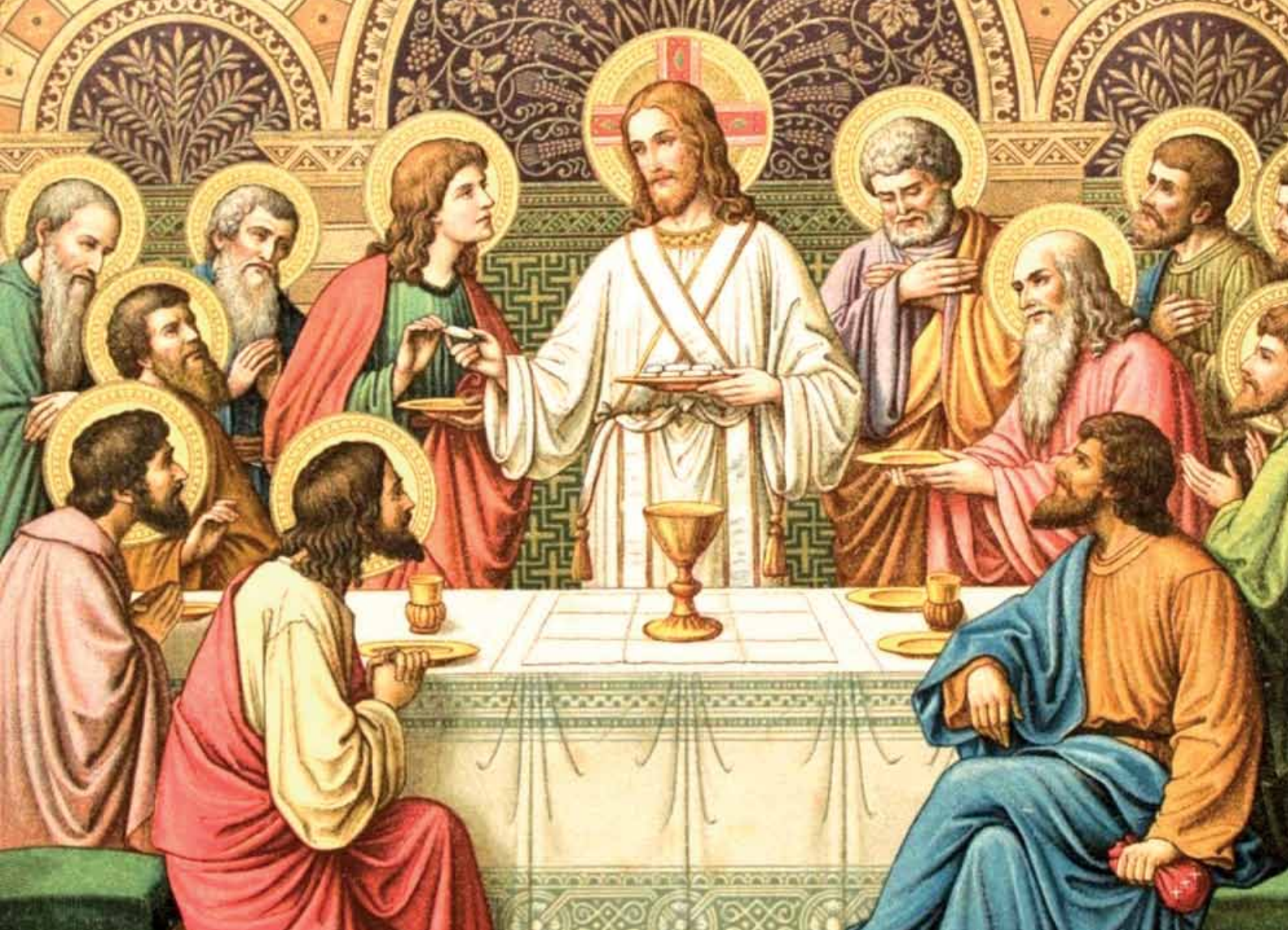
7 апреля – великий праздник в православном мире. Церкви, использующие юлианский календарь, в том числе Русская и Грузинская, отмечают Благовещение Пресвятой Богородицы.

В этот день крестьяне не работали, по обычаю собирались вечером у мельницы и смотрели на небо, призывая добрый урожай и благополучие в дома. Даже птица не смела в праздник вить гнезда. И возникла легенда, что кукушка, нарушив этот запрет, так и не научилась вить гнезда, потому и подбрасывает свои яйца другим птицам.

До сих пор существует традиция отпускать в этот день птиц на волю. Потому говорят: *Благовещенье – птиц на волю отпущенье.*

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

(А.Пушкин)

Издревле 3(16) апреля принято задабривать духов воды, которые с пробуждением начинали буйствовать – крушить льды на реке, затоплять берега и будоражить рыбу. Потому рыбаки и хозяева водяных мельниц подносили дедушке-водяному подарки – первый улов, домашнюю птицу, табак, а иногда даже целую лошадь. Ну а водяные в свою очередь не портили рыболовные сети, спасали от бурь да помогали в рыбном деле. В народном календаре восточных славян – это день Никиты Водопола.

Где вода, там верба, а где верба, там и вода, говорят в народе.

В этом году 28 апреля православный мир встретит Вербное воскресенье – Вход Господень в Иерусалим. Предшествует ему Лазарева суббота, в которую церковь вспоминает об одном из чудесных деяний Иисуса Христа – воскрешении Лазаря из Вифании. Потому и существует поговорка: *Святой Лазарь за вербой лазил.*

Вслед за вербным воскресением наступает Страстная неделя, Великая, страшная седмица...

Великая среда напоминает нам об Иуде Искариоте, получившем в этот день от первосвященников тридцать сребреников. Это была цена предательства Учителя. Имя Иуды стало нарицательным.

Великий четверг именуется еще и Чистым четвергом – в этот день Иисус по древнему восточному обычаю омывает ноги апостолам, тем самым подавая пример смирения и любви к ближнему своему. Тайная вечеря, на которой Христос обратился к ученикам

– «И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание...» (Евангелие от Луки, 22:19)

*Час задумчивый строгого ужина,
предсказанья измен и разлуки.
Озаряет ночная жемчужина
олеандровые лепестки.
Наклонился апостол к апостолу.
У Христа – серебристые руки.
Ясно молятся свечи, и по столу
ночные ползут мотыльки.*
(В.Набоков)

«Да минует Меня чаша сия...» (Евангелие от Матфея, 26:39) – слова молитвы Иисуса в Гефсиманском саду. Молитва, известная как моление о чаше.

Одно за другим следуют события – поцелуй Иуды, отречение Петра, арест Иисуса Христа. На следующий день в Страстную пятницу Иисус предстает перед Понтием Пилатом, и тот умывает руки со словами: «Невиновен я в крови Праведника Сего» (Евангелие от Матфея, 27:24). И начинается крестный путь Христа – путь на Голгофу...

«И Он исчез из вида нашего, дабы обратившись к нашим сердцам, мы могли там обнаружить Его. Ибо Он ушел, и, вот, Он здесь» (Св. Августин).

Алена ДЕНЯГА

▲ Тамаз Герсамия

НЕПРОТОРЕННЫМ ПУТЕМ

Если вы, по современному обычаю, обратитесь к интернету, чтобы собрать сведения об этом человеке, то убедитесь, что их немного. Но это безупречный джентльменский набор, который характеризует несуетного профессионала, классного специалиста и вообще личность.

Доктор архитектуры, кавалер Ордена Чести. А еще – почетный гражданин Тбилиси. Тот самый случай, когда звание – как говорящее название. И дано точно по адресу. Архитектор, педагог, эксперт, историк градостроительства, специалист по реставрации и реконструкции города, знаток и популяризатор Тбилиси - это Тамаз Герсамия.

И в конце концов это ему пришла идея создать ставшую сегодня легендарной фотокнигу «Старый Тбилиси» - история города с 1850-х годов по 1917 год. Она увидела свет в 1985 году. Это первый и единственный опыт такой масштабной исторической фотолетописи в Грузии. Опыт пионера. Всех остальных – милости просим по проторенному пути.

Тамаз Герсамия – коренной тбилисец. Всю жизнь живет в центральной части средневекового Тбилиси – Земо Кала. Родители были геологами-полевиками, начальниками геологических партий. Когда началась война, отец ушел на фронт, остался жив, но был контужен. А мама продолжала работать и в военные годы – для фронта. Нужно было золото, грузинские геологи искали и находили его месторождения в Грузии и Армении. С детских лет Тамазу часто приходилось бывать с родителями в экспедициях по всей Грузии. Многие

запомнилось навсегда. Одно из самых ярких воспоминаний детства – мама. Молодая, красивая, верхом на лошади – в экспедиции в Мингрелии, где тогда искали уголь, ей приходилось каждый день проезжать верхом по 20 километров в горной местности.

- Как вы умудрились не стать геологом? - невольно спрашиваю у Тамаза Георгиевича.

- Сам не знаю. В школе все время думал, что стану именно геологом. Но заинтересовался рисованием. Очень много рисовал. А потом решил стать скульптором, собирался поступать в Академию художеств.

- Родители не расстроились, что не продолжаете династию?

- Напротив, родители были рады, что я увлекаюсь творчеством и поддерживали меня. Но на отделении скульптуры было всего пять мест. И были такие «волки», которые поступали в шестой, в седьмой раз. А я - выпускник школы. Конечно, не поступил. Прямо скажем, надо быть Роденом, чтобы сдать с первого раза.

- Наверное, Роден тоже не поступил бы с первого раза в Академию.

- Скорее всего. Потому что в творчестве важно не как ты начал, а как ты развиваешься. А развиваться начинаешь именно в процессе учебы. Например, был один студент, которого приняли в Академию, потому что у него было просто необыкновенное построение рисунка. А потом он продолжал оставаться на том же уровне, и на втором-третьем курсах его все обогнали. В общем, я не поступил, и чтобы не терять год, последовал совету сдать вступительные экзамены на архи-

▲ Тамаз с матерью. Фотограф И.Шихман. 1953

тектурный факультет Грузинского политехнического института, а потом перейти в Академию. Мне казалось, что это временно, но я втянулся.

- Почему?

- Потому что архитектура – это тоже искусство. Кстати, тогда обучение было поставлено иначе, чем сейчас. На первом-втором курсах у нас было художественное образование, мы проходили и скульптуру, и рисование. Например, рисование акварелью, что у меня хорошо получалось. В общем, втянулся.

А вскоре Тамазу пригодились профессиональные родительские уроки, опыт экспедиций. Начиная со студенческих лет он регулярно ездил в археологические экспедиции. С Отаром Лордкипанидзе, Ниной Бердзенишвили, Вахтангом Джапаридзе в качестве художника и архитектора он участвовал в знаменитых раскопках в Кутаиси, Верхней Имеретии, в течение нескольких кампаний на городище Дманиси.

Дипломная работа Т.Герсамия была посвящена теме реконструкции Старого Тбилиси. Он рассмотрел район в границах улиц Энгельса, Дадиани, Пушкинская, Бараташвили и набережной Куры.

На Всесоюзном конкурсе-смотре дипломных работ выпускников архитектурных вузов его работа «Реконструкция старого города» получила первую премию. В №8 журнала «Архитектура СССР» за 1968 год, представляя лауреатов знаменитый архитектор и педагог профессор Борис Бархин подчеркнул: «В проекте дипломанта Т.Герсамия на основе исследовательской работы делается предложение по приспособлению старых кварталов для современной жизни. С большим вниманием автор подошел к проблеме сохранения и восприятия памятников архитектуры. Новые сооружения отвечают пространственному решению сложившегося города».

- А потом, - продолжает Тамаз Георгиевич, - тройку отличившихся выпускников – меня, Николая Филина из Москвы и Владимира Шмырова из Ленинграда - пригласили в Москву выступить в Доме архитектора - в Белом зале старинного особняка на улице Щусева. Нас снимало телевидение, а по тем временам телевизионный эфир – это было очень значительно. Каждый в течение трех минут должен был представить свой проект. Помню, меня в Тбилиси, учили, как я должен выступить – кафедра приняла, факультет рассмотрел, руководитель такой-то... А в Москве на репетиции редактор мне сказала: «Тамаз, извините, но представьте себе: сидит телезритель перед экраном и слушает вас. А вы начинаете – по велению этого, по решению того. Ну и ну, скажет зритель, а что он сам-то делал? Поэтому сразу говорите о себе». Я так и сделал. И получилось неплохо. А потом к тому же нам прислали гононар за выступление – 9 рублей 5 копеек. За три минуты!

Да ради бога – я был готов выступать сколько угодно! (Смеется).

После института Тамаз Герсамия несколько лет работал в проектом институте. Велось много интересной работы, но очень хотелось продолжить тему реставрации Старого города, заниматься этим практически, делать реальные проекты. С практикой как-то не сложилось... Он решил продолжить тему теоретически и поступил в аспирантуру политехнического института. На этот раз работал над другой частью Старого города – Мтацминда, Соллаки, проспект Руставели. И защитил диссертацию «Некоторые вопросы реконструкции старых кварталов Тбилиси». Кстати, по его личной просьбе предварительную защиту прошел в Ленинграде. Тамошние специалисты работу приняли очень хорошо, а самой интересной посчитали часть по исследованию своеобразия грузинских домов, их архитектуры, плановых решений.

В 1972 году в журнале «Архитектура СССР» Т.Герсамия опубликовал примечательную статью, в которой уже тогда призвал считать архитектурными памятниками те сооружения, которые сегодня, конечно, считаются национальным достоянием, это ни для кого не вопрос, но вот тогда... Тогда это были просто городские здания. А ведь речь шла о Доме писателей Грузии на улице Мачабели, 13. О здании Тбилисского государственного университета. О здании Театра имени Руставели. О сооружениях на верхнем плато фуникулера... «Это тоже памятники» - называлась статья. Это было 40 (!) лет назад. Герсамия оказался не только провидцем, но и первопроходцем.

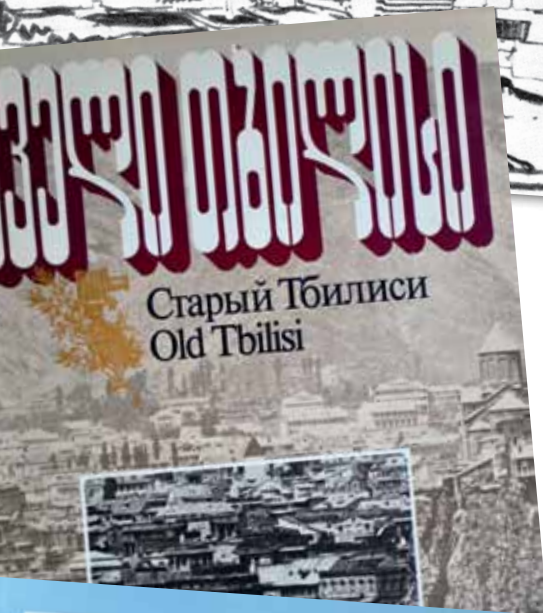
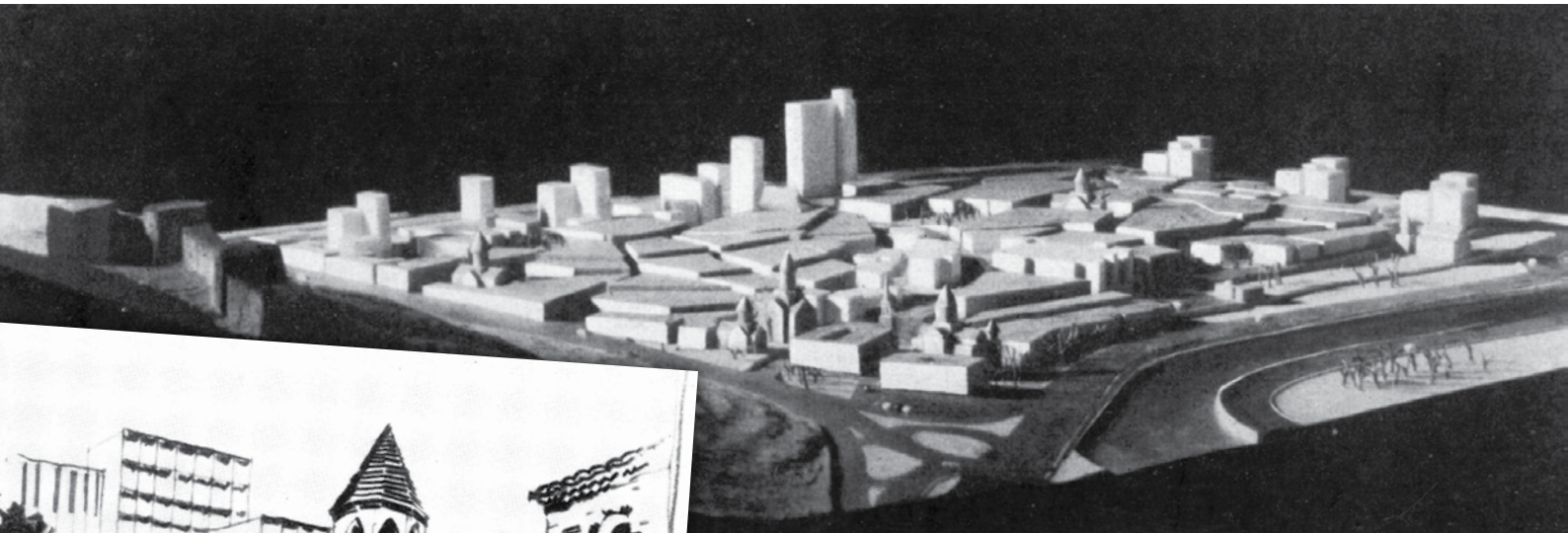
Тбилиси как был, так и остается главным предметом его внимания и интереса. Тамаз Герсамия не по-

▼ С Ревазом и Вахтангом Беридзе в Кахетии. 1976

▼ Участники V Международного симпозиума по грузинскому искусству. Милан. 1986

хож на одержимого подвижника. Впрочем он таким и не является. Серьезный, вдумчивый человек, рациональный и настойчивый, он в то же время умеет думать не только умом, но и сердцем. Видимо, отсюда – такое постоянство и равнодушие. А порой – досада на то, как зачастую недальновидно, непрактично относимся мы к нашему архитектурному богатству.

- Я ездил в Прибалтику, изучал, как там занимаются реконструкцией. Там работают поквартально, то есть за единицу городской застройки принимается квартал. И объектами реконструкции тоже. А у нас работают по улицам, по фасадам улиц. Понимаете разницу? Хотя и в самой Прибалтике работают поразному. Но тут уже речь идет о скорости работы. В Вильнюсе, помню, один археолог недовольно говорил – вот, мол, наши литовцы всегда торопятся, а эстонцы сперва в течение 20 лет изучают объекты, а потом только начинают реконструкцию. И это правда – эстонцы очень долго работают. Но делают это лучше всех. Потому и сохранили свой город.

Т.Герсамия много писал о вопросах реставрации и реконструкции, об историко-архитектурной инвентаризации (грубо говоря, что считать памятником, что нет). А еще – о сочетании архитектуры с рельефом местности. Для Тбилиси этот вопрос имеет особое значение, потому что здесь есть пятый фасад. Его прекрасно видно, когда смотришь, например, с фуникулера. Это крыши. Как уже давно сказано, Тбилиси – это музыка крыш и балконов... Кроме того, есть еще один момент, очень важный не только для специалиста, но и для каждого из нас, горожан. Это виды города.

- В Тбилиси очень тяжело строить, потому что запросто можешь перегордить какой-нибудь красивый вид. Например, двухэтажная застройка, которая в свое время находилась на площади Ленина, сама по себе не имела никакой ценности. Кроме одной: она позволяла видеть Мтацминду и в то же время вписывалась в ансамбль. А после того, как построили семиэтажную гостиницу, вид закрылся, и площадь приняла замкнутый характер. А ведь еще древние римляне понимали, что такое красивый вид. Например, с городской площади в Помпеи открывался вид на Везувий. И они специально сохраняли и показывали этот вид. Это же так ясно... Кстати, в том, как показать вид, особенно сильны японцы. Мы, к сожалению, это потеряли. И заметили только тогда, когда лишились всех этих видов. В середине 1970-х я был на стажировке в Чехословакии, изучал, как у них поставлено дело реставрации, собрал очень большой материал, опубликовал несколько серьезных статей,

▲ С Послом Чехии Иржи Неквасилом и Светланой Сокол. 2003

▲ У мемориальной доски Дж.Скудиери. 28 октября 2002 г.

выступал на научных конференциях. Так вот, я ездил с сотрудниками Института охраны памятников, как они выражались, «искать точки». Оказалось, это значит искать те точки, с которых открывается самый лучший вид на тот или иной памятник, с тем, чтобы сделать там смотровую площадку. Я уж не говорю о том, какая у них система указателей на дорогах – стрелки разного цвета указывают на разные памятники, и приводится расстояние, которое тебя от них отделяет. Сколько раз я говорил и напоминал о том, что так надо сделать и нам. Ну, представьте себе: специальная смотровая площадка – лучший вид, например, на Джвари. Но это до сих пор так и не сделано.

Вскоре по возвращении из Чехословакии Т.Герсамия начал работать в Институте истории грузинского искусства под руководством академика Вахтанга Беридзе, занимался архитектурными памятниками Телави и Сигнахи. Выделял границы исторических районов, что потом находило юридическое подтверждение в генеральном плане города. Для ясности: в Тбилиси, например, историческая граница проходит по улицам Дадиани, Пушкинской, Бараташвили и так далее.

И вот в эти годы он как раз и придумал проект «Старый Тбилиси». Раз уж не получается реально воплотить то, над чем работаешь всю жизнь, то он ре-

шил сделать свою реставрацию Тбилиси по старым фотографиям в виде книги, реставрацию того Тбилиси, каким он был и каким его хотелось бы видеть. Как сказали Тамазу Георгиевичу друзья из журнала «Советское фото», получился не альбом, но и не книга. Скорее всего, «Старый Тбилиси» - это фотокнига, новый жанр в книжном деле. (В №9 за 2006 год журнала «Русский клуб» читайте материал «Продлить «дух дружества» - подробный рассказ о том, как создавалась книга).

Деятельность (хочется сказать – творчество) Тамаза Герсамия настолько насыщена и разнообразна, что если рассказать о ней подробно, не забыв ничего, потребуется, пожалуй, весь номер журнала. Посудите сами. Издание фотоальбома о старом Кутаиси. Издание книги о тбилисских подъездах. Работа над воссозданием биографии Дмитрия Ермакова, известного фотографа Тифлиса, чья жизнь и дело были тесно связаны с этим городом, создателя уникальной коллекции фотографий, новатора в фотоделе. Участие в подготовке всеобщей энциклопедии художников, которую издают в Лейпциге (Тамаз Герсамия отвечает за Грузию). Он – член Архитектурного совета при мэрии Тбилиси. Работает в Грузинской энциклопедии. Преподает в Академии художеств... Удивительная мощь! В юности Тамаз Георгиевич серьезно занимался штангой, имел спортивный разряд. Может быть, именно поэтому он не страшится каждый раз брать все больший и больший вес – не сдаваясь, подход за подходом?

А еще он воссоздает судьбы зарубежных архитекторов, работавших в Грузии, оставивших нам свои творения – итальянских, немецких. Готов труд «Русские архитекторы в Грузии» (и мы надеемся, что он в итоге увидит свет). Благодаря Т.Герсамия никогда не канут в Лету имена Джованни Скудиери, Михаила Калашникова, Юрия Непринцева... Тамаз Герсамия извлекает из небытия забытые судьбы, наполняет жизнью имена и фамилии. Это по-настоящему трудно – ведь не сохранилось ничего, никаких документов и данных. И он собирает сведения буквально по крупицам от коллег из разных стран мира.

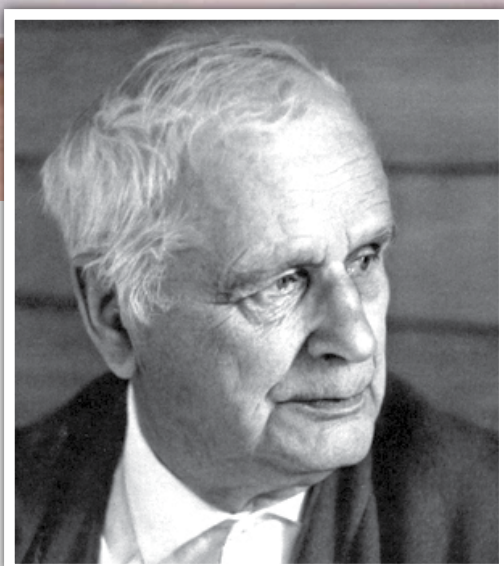

▲ На открытии выставки с семьей. 2009

- Что вами движет в ваших поисках?
- Наверное, чисто человеческий стимул. Представьте – жил человек, думал, делал, создавал... И получается, что о нем забыли. Есть фамилия, и все.
- Значит – чтобы помнили?
- Ну естественно. Должны помнить.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакция журнала «Русский клуб» сердечно поздравляет Тамаза Герсамия с юбилеем и желает ему здоровья и благополучия.

▲ Василий Шухаев

МЕНЯ УЧИЛИ МАСТЕРА

Мне повезло с преподавателями рисунка, когда я учился в Тбилисской Академии художеств (1957-1963). В этот период здесь работали известные мастера грузинского и русского изобразительного искусства Василий Шухаев, Сергей Кобуладзе, Иосиф Шарлемань, Борис Шебуев, Николай Канделаки, Уча Джапаридзе, Аполлон Кутателадзе. На втором и третьем курсах рисунок нам преподавал Кобуладзе. Мы, студенты, обожали Сергея Соломоновича за его талант, эрудицию, любовь к классическому искусству. Знали его работы, особенно любили иллюстрации к «Слову о полке Игореве». Часто бегали в оперный театр посмотреть на занавес, который он расписывал в то время.

Видное место среди преподавателей занимал Василий Шухаев, страстный поклонник классического искусства, представитель нового течения в русском изобразительном искусстве начала XX века – «неоклассицизма». Шухаев был первоклассным рисовальщиком, очень любил работать в сангине, добившись в этой технике огромных успехов. Часто вместе с сангиной употреблял графитный карандаш, уголь, пастель, цветные карандаши. В этой технике им выполнена целая серия портретов деятелей грузинского искусства – Верико Анджaparидзе, Галактиона Табидзе, Нато Вачнадзе, Серго Кобуладзе, Елены Ахвледиани...

Помню, какое огромное впечатление произвели на меня его зарисовки с натуры к картине «Полк на позиции», которые он сделал в годы Первой мировой войны, находясь в армии как художник. К сожалению, картина так и не была написана, но этюды к ней, а их было несколько десятков, сохранились. Когда мы хвалили эти этюды, Василий Иванович говорил нам, что он считает их лучшими из того, что создал в своей жизни. В этих работах полностью проявилось его мастерство, знание технологии и владение любой техникой.

Увидев эти работы на выставке в Художественной галерее Грузии, я решил во что бы то ни стало поработать под его руководством. Шухаев был добрым и отзывчивым человеком, и, как интеллигентный человек, обладал еще и большим тактом. Когда я обратился к нему с просьбой посещать его уроки рисунка, он тут же спросил, знает ли об этом Сергей Соломонович.

По молодости лет я тогда не подумал, что этим мог обидеть моего педагога по рисунку. К моей радости Сергей Соломонович воспринял мою просьбу естественно, и сам посоветовал ходить дополнительно в класс Шухаева, которого уважал и считал хорошим педагогом и рисовальщиком. Так я стал учиться у двух больших мастеров. Вскоре это принесло положительный результат. В конце семестра я получил отличную оценку, и один рисунок

(мужчина со спины) был отобран в методический фонд Академии. И если сегодня я профессор Тбилисской АХ и смыслом в рисунке – это заслуга моих педагогов, и в первую очередь Шухаева и Кобуладзе, которым я буду благодарен всю жизнь.

Василий Иванович был очень интересным человеком. Он как живой стоит перед моими глазами. Высокий, слегка сутулившийся, с доброй улыбкой и такими же добрыми глазами, он всегда выглядел моложавым, несмотря на свои годы (когда я стал заниматься у него, ему было 72 года). Он был хорошим собеседником. Во время занятий часто рассказывал о поездках во Францию, Италию, Финляндию. Восхищался музеями этих стран, очень любил Энгра и часто приводил его нам в пример. Много рассказывал о русском искусстве начала XX века, о новых направлениях в живописи, об авангарде в русском искусстве. Тогда впервые из его рассказов я узнал о существовании «Бубнового валета» и таких художников, как Машков, Кончаловский, Фальк, Лентулов и другие. Несмотря на то, что все они были ниспровергателями академических канонов и классического искусства, Шухаев относился к ним доброжелательно, считая их талантливыми художниками, но идущими не по тому пути. Такое же отношение было у него и к импрессионизму, которым мы все в тот период увлекались. Он часто говорил, что у импрессионистов надо учиться чистоте цвета и теории, которые они создали в этой области.

Эти беседы были для нас настоящими уроками по истории русского изобразительного искусства начала XX века.

На занятиях по рисунку не обходилось без курьезов. Помню один такой случай. Василий Иванович всегда носил с собой небольшую коробочку, в которой у него были карандаши, резинка, тряпочки для растирки. Особенно он дорожил карандашом «Цанг», который ему кто-то при-

▼ В.Шухаев. «Натюрморт»

▲ В.Шухаев. Ротмистр Г.Сухин

вел в подарок из Чехословакии. Это был металлический карандаш, и у него можно было менять стержни. В то время таких карандашей в продаже не было, и Василий Иванович, единственный из преподавателей, имел его. «Цанг» лучше всего подходил к его технике рисования. Однажды Василий Иванович исправлял работу одного из студентов. Фамилию этого студента я забыл, так как он вскоре бросил учебу в Академии. В это время Василия Ивановича позвали на кафедру. Он вышел, оставив «Цанг» на тумбочке для рисования. Студент, опасаясь, что «Цанг» может закатиться в прорезь тумбы, положил его в карман своего пиджака. Через несколько минут Василий Иванович вернулся и снова подсел к работе студента, но не обнаружил своего карандаша. Студент засунул руку в карман пиджака, но «Цанга» там не оказалось. Студент то бледнел, то краснел, изумленно смотрел на нас, не зная что сказать. Василий Иванович нахмурился. Не знаю, что он подумал в ту минуту, но ситуация была не из приятных. Наконец, кто-то из нас догадался пощупать низ пиджака студента и сзади, между материей и подкладкой, нащупал «Цанг». Пришлось лезвием бритвы пороть подкладку и доставать карандаш. Оказалось, что в кармане была дырка, «Цанг» проскользнул в нее и очутился внизу. Все вздохнули облегченно, а Василий Иванович долго смеялся по этому поводу.

Метод преподавания Шухаева отличался от метода Кобуладзе. Оба требовали конструкций, пропорции, объема и формы, характера натуры, тональности, но преподавали это по-разному. Василий Иванович любил садиться к работе студента и исправлять ошибки, подражая манере рисунка студента. Исправляя, он всегда объяснял, где какая мышца проходит и где крепится, какие кости составляют основу той части тела, которую он исправлял, проявляя при этом большие знания в пластической анатомии.

Сергей Соломонович всегда рисовал на полях рисунка, указывая студенту на ошибки в конструкции той или иной детали рисунка.

Эта разница в методе преподавания никак не отра-

▲ В.Шухаев. «Грузинский пейзаж»

жалась на конечном результате рисунка, который в основном у их студентов всегда был на высоком уровне.

После окончания Академии я несколько лет работал в отделе реставрации живописи Музея искусств Грузии. Библиотекой музея заведовала очень интересная, интеллигентная и добрая женщина Наташа Сосновская. Василий Иванович часто заезжал в гости к ней, так как она и семья Шухаевых дружили. Я же в тот период увлекся техникой и технологией живописи старых мастеров и часами просиживал в библиотеке. Сосновская была на вид строгим, но в глубине души очень добрым человеком. Она всячески помогала мне в сборе нужных материалов. Часто, когда Василий Иванович приходил в гости, там, в закутке библиотеки устраивалось чаепитие. Приглашали и меня. Таким образом, я снова стал встречаться с Василием Ивановичем. Как-то раз он попросил меня отреставрировать его картину «Финские бани». Картина была в очень плохом состоянии, осыпался красочный слой, местами произошло вздутие краски. Василий Иванович сказал, что она была написана в Магадане, куда он был сослан в 1937 году. Там не было условий для ее хранения, и в таком виде он привез ее в Тбилиси.

О своей ссылке Василий Иванович не любил говорить, и мы, студенты, зная как трудно было ему все вспоминать, никогда об этом не спрашивали.

Но однажды, у Наташи Сосновской, когда зашла беседа о профессионализме и мастерстве художника, Василий Иванович отметил, что эти качества помогли ему выжить в ссылке. И рассказал историю.

«В Магадане были тяжелейшие условия. Изнурительная работа по заготовке леса, голод, болезни уносили жизни нескольких человек в день. Мне было особенно тяжело, так как я не был приучен к физическому труду. Иногда за хорошую работу и поведение нас под конвоем отвозили в ближайший поселок поработать на приусадебных участках крестьян, а также помочь по дому. Мы чинили крыши, кололи дрова, копали картошку, работали в огороде. Взамен получали продукты питания – хлеб, картошку, яйца и т.д. Правда, львиная доля этих продуктов доставалась конвою, но и нам кое-что перепадало. Особенно мы радовались, когда нас отвозили на рынок – работа там была легкая, надо было кое-что поднести к прилавкам или же разгрузить подводы с мешками муки и картошки. Одну женщину, которой я помог поднести продукты к прилавку, удалось уговорить дать мне карандаш и несколько листов бумаги. Вот тут мне пригодился знания, которые я получил, учась в Академии художеств у Д.Кардовского. Тайком от конвоиров я стал делать наброски торговцев на рынке. Особенно я обращал внимание на сходство и характер рисуемого. Крестьянам это очень нравилось, и они в обмен за набросок давали мне продукты. Поэтому мне уже не приходилось работать физически, я зарабатывал на жизнь только набросками.

Однажды на рынке я встретил молодую женщину. Было заметно, что она не местная. Лицо ее было очень красивое, с огромными и грустными глазами. Я робко

подошел к ней, представился, показал несколько набросков и попросил уделить мне минут десять-пятнадцать, чтобы сделать ее портрет. Она согласилась. Мне удалось передать ее характер и красоту, чем она была очень довольна. Она открыла сумочку, чтобы заплатить мне, но я наотрез отказался брать деньги.

На другой день, когда шла переключка, вдруг появился начальник лагеря. В руках он держал небольшой листок бумаги. К моему ужасу я узнал портрет вчерашней незнакомки. Подняв листок над головой, начальник лагеря громко сказал, чтобы вышел вперед тот, кто нарисовал это. У меня подкосились ноги, я очень испугался, но делать было нечего, так как многие знали, что я рисую, и кто-нибудь наверняка выдал бы меня. Я робко сделал два шага вперед и опустил голову. Начальник приказал, чтобы я явился к нему через два часа. Эти два часа были для меня вечностью. Что только я не передумал – посадят в карцер, добавят срок или придумают еще чего-нибудь похуже. Я знал, что в лагере было запрещено писать и рисовать без разрешения начальства. Наконец я явился к начальнику лагеря. Меня провели в его кабинет. К моей радости он встретил меня очень приветливо, предложил чай с булочкой и маслом. Я был так растерян, что не знал, что и сказать. Начальник стал расспрашивать меня о жизни на воле, спросил, где я учился и у кого. Оказалось, что в детстве он тоже рисовал и даже хотел стать художником, но родители настояли на военной карьере. Женщина, которую я встретил на рынке, была его женой. Начальник спросил, смогу ли я выполнить портрет Сталина для его кабинета. В глубине души я подумал, что нарисую хоть черта, лишь бы меня освободили от работ, но вслух сказал, что с радостью нарисую вождя, если мне предоставят материалы для работы.

Через несколько дней мне привезли холст, кисти, масляные краски и другие материалы. Выделили небольшой уголок в так называемом «клубе». Это был барак с небольшой сценой, где заключенные занимались художественной самодеятельностью. В этом уголке, под музыку и песни о вожде партии, я и рисовал портрет Сталина. Портрет очень понравился начальнику, и он повесил его у себя в кабинете. Затем последовал заказ на членов политбюро для нашего «клуба». Меня освободили от работы на лесозаготовках, разрешили свободное хождение, улучшили питание. Так случай и моя профессия помогли мне выжить в Магадане.

Между работой над портретами я стал заниматься и творческой работой. Там в Магадане и была написана картина «Финские бани». Правда, писать приходилось тайком, и я скрывал работу от посторонних глаз. Я прятал ее в свернутом виде, поэтому она в таком состоянии».

Я с радостью согласился отреставрировать картину Василия Ивановича, ибо это был случай, когда чем-то смог бы отблагодарить моего учителя. Реставрацию я проводил в его мастерской урывками, так как был очень занят на основной работе в музее.

После трехмесячного труда картина была отреставрирована, утеранные места были загрунтованы, и сам Василий Иванович написал их. Он был очень доволен моей работой и все время благодарил меня.

Много лет спустя, когда Василия Ивановича уже не было в живых, я снова увидел эту картину в Русском музее, на выставке, посвященной 100-летию со дня рождения его и Яковлева. Встреча была очень трогательной – как будто встретил родного человека. Я долго стоял перед картиной, и тут снова перед моими глазами возник образ Василия Ивановича, блестящего художника, педагога и наставника, воспитавшего не одно поколение художников.

Василий Иванович прожил долгую и интересную жизнь, четверть века он посвятил Грузии и ее искусству. Вечная ему память!

Ромульд ЦУХИШВИЛИ

▲ Интерьер Дворца Дадияни в Зугдиди

ИСПЫТАНО ВРЕМЕНЕМ

В истории мирового декоративно-прикладного искусства значительное место занимают изделия фирмы Кузнецовых. Высокохудожественная посуда из фарфора, фаянса, майолики и других видов керамики с ее фирменным клеймом впервые появляется в начале XIX века и очень быстро привлекает к себе внимание на рынках не только Российской империи, но и стран Европы. Кузнецовские заводы становятся крупными поставщиками.

В конце XIX-начале XX веков кузнецовские изделия становятся желанными и доступными для многих семей Грузии. Когда-то предметы повседневного обихода, они сегодня являются ценным антиквариатом.

Техника изготовления и художественное оформление изделий кузнецовских заводов отличаются тонким художественным вкусом, изяществом и высоким уровнем исполнения. Заслуживают особого внимания клейма их продукции, разработанные в соответствии с качеством, большинство которых выделяются своей композицией, формой и содержанием. Изысканностью отмечен и шрифт, примененный для клейм, выполненный синей, зеленой, коричневой, черной, красной и золотой красками. На них нанесены государственная символика, геральдические щиты, цветочные гирлянды и другие композиции. Надписи на фирменных знаках сделаны на русском, латинском, персидском, турецком, арабском, французском, английском языках.

Фарфоровые и фаянсовые изделия кузнецовских заводов встречаются во многих странах мира, в т.ч. и в Грузии: в Государственном музее искусств им. Ш.Амиранашвили, в Государственном музее истории Грузии им. С.Джанашиа, в Музее истории Тбилиси им. И.Гришашвили, в Музее истории города Зугдиди и других. Материал весьма разнообразный и впечатляющий. Каждый экспонат не только привлекателен эстетически, но вызывает научный интерес своим информативным комплексом.

Наиболее богатая коллекция представлена в Государственном музее искусств имени Ш.Амиранашвили. Здесь в фонде керамики русского отдела хранится более семидесяти экспонатов с клеймами кузнецовских заводов. В коллекцию входят отдельные образцы фарфора и фаянса, сервизы, вазы, чашки, десертные и декоративные тарелки, статуэтки и другие предметы.

Высоким художественным вкусом отмечено декоративное блюдо с изображением российского императора Александра I. Края блюда волнистые, округлые. По зеленому полю – геометрический и растительный орнамент. В центре в золотой рамке помещен портрет императора. Император изображен в анфас, в черном мундире с золотыми эполетами и орденами.

Из экспонатов того же музея внимание привлекает кружка для воды, имитирующая ствол дерева. Изделие украшает фигурка дятла, она служит ручкой. На крышке ее функцию выполняет зеленая еловая шишка. Кружка выполнена в беловато-коричневатой, голубовато-красноватой гамме. Сравнительно яркими цветами выделяется фигура дятла. Эти тона в виде цветовых акцентов распределены на основной поверхности кружки. Цветовую гамму оживляет зеленый цвет шишки, светлые тона которого видим на фигуре дятла и поверхности дерева. Кружка впечатляет гармонией красок и изяществом форм.

Из экспонатов фонда нельзя обойти вниманием бисквитную цветочную вазу замечательной красоты, она представляет собой фрагмент ствола дерева, на

котором помещены два яйца и перед ними фигурки ангелочков и птичек. Ваза нежно-розового цвета с позолоченными краями. Из отдельных образцов музея интересны чашки с блюдами, чаши, конфетницы, десертные тарелки, декоративные блюда, статуэтки и многие другие предметы.

Весьма интересные образцы кузнецовских заводов хранятся в Музее истории Тбилиси им. И.Гришашвили. Музей экспонирует более пятнадцати образцов. В эту коллекцию входят обеденный сервиз, сахарница, молочники, подносы, рыбницы и другие предметы.

В постоянной экспозиции музея представлены изделия завода Матвея Кузнецова: декоративные тарелки, на которых помещены фрагменты известной картины русского художника А.Кившенко «Военный совет М.И. Кутузова в деревне Фили».

В этнографическом фонде Государственного музея истории Грузии им. С.Джанашиа хранится лишь один экспонат кузнецовского фарфора – блюдо. Изделие удлиненной формы с ровными краями и закруглым лицевым профилем. На поверхности подноса изображены букеты цветов, выполненные сероватой краской под глазурь. Обратная сторона подноса белая глазурированная.

Для грузинской аристократии XIX века стало традицией заказывать посуду в знаменитых керамических мануфактурах Европы. Среди поставляемых изделий видное место занимала продукция заводов Кузнецовых. В конце XIX – начале XX веков керамические изделия Кузнецовых упоминаются в списке знаменитых фирм, которые выделялись популярностью. В Грузии заказчиками были представители как богатой аристократии, так и менее состоятельных слоев общества. На посуде помещались родовые гербы, инициалы и монограммы заказчиков.

Гордость Музея истории Зугдиди – коллекция изделий Дмитровского производства Кузнецовых. Это различные сервизы, особо выделяется заказанный Нико Дадиани-Мегрельским праздничный обеденный сервиз. Он помечен гербом рода Дадиани и монограммой «Н.М.» Черепок прозрачного белого фарфора. Посуда окрашена в кизилковый цвет на белом фоне, богато расписана золотом, с золотой каймой, вдоль кизилкового поля нанесен геометрический орнамент. Ручки посуды выполнены в виде стилизованной ветки дерева и проработаны легким рельефом.

Примечательно, что лучшие тбилисские гостиницы того времени «Мажестик» и «Ветцель» также заказывали посуду на кузнецовских заводах – Дмитровском и Московском. Она сохранилась частично. Это чашка с блюдцем из тонкого фарфора высокого качества, рас-

писанная кобальтом и золотом, фрагменты обеденных сервизов из «трактирного фаянса» (тарелки разных размеров, соусница и т.п.). Снаружи на чашке и на бортах тарелок помещены названия гостиниц-заказчиков.

Изделия кузнецовских заводов в Грузии хранятся и в частных коллекциях. Среди них выделяется коллекция искусствоведа А.Чхеидзе. Это – обеденные сервизы и отдельные предметы. Из сервизов интересен изготовленный на Дмитровском заводе сервиз на двенадцать персон (тарелки разной величины и назначения, подносы, рыбница, масленка, сырница, судок для горчицы). Сервиз изготовлен из белого фарфора, края посуды прямоугольные. Округлая лицевая поверхность окрашена синим кобальтом, на который нанесен декоративный орнамент. Фон окантован тонкой золотой полоской, и заканчивается орнаментом в виде стрел и золотой каймой. Основная часть белая, глазуванная.

Интересны блюда, выполненные в восточном стиле. Одно из них расписано синей и голубой красками различных тонов. От края вниз навстречу друг другу идут симметрично расположенные две ветки разных растений с цветами и одинаковыми, удлиненной формы мелкими листочками. На нижней части мусульманский

орнамент, который представляет собой своего рода рамку, с цветами и цветочными веночками. В центре помещен лев с мечом. Рядом с фигурой льва – изображение солнца. Вверху – царская корона.

Из всех сохранившихся в Грузии изделий кузнецовских заводов с исторической точки зрения наибольший интерес представляет декоративная тарелка с видами Тбилиси. Круглая суповая тарелка покрыта деколью бордового цвета. В середине ее изображение памятника наместнику М.С. Воронцову. Вокруг по полю в симметрично расположенных овальных рамках из растительного орнамента помещены известные архитектурные памятники Тбилиси. В одной из этих рамок – герб города Тбилиси.

Изделия кузнецовских предприятий можно увидеть почти в каждой тбилисской семье, хотя бы в единственном экземпляре. Их можно встретить в антикварных салонах и на распродажах.

Фарфоровые и фаянсовые изделия с кузнецовским клеймом занимают существенное место в хранилищах различных музеев мира, представлены в постоянных экспозициях, пользуются большим спросом среди коллекционеров. Популярность кузнецовского фарфора, фаянса, майолики в Грузии XIX-XX веков не ослабевает и в наши дни.

София ЧИТОРЕЛИДЗЕ
Перевод Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

▲ Иоланта Петроковская

ПРАВИЛА ЖИЗНИ

Не стало Иоланты Александровны Петроковской, ушел из жизни хороший художник, к сожалению, редко выставившийся. Она не стремилась к известности, имея мужа художника, быть может, не хотела ему мешать. Живопись для нее была порывом души, средством выражения чувств и эмоций, ее жизненной необходимостью. Многие свои прекрасные натюрморты и пейзажи она широким жестом дарила друзьям, а портреты в основном оставались у портретируемых. В портретах ей удавалось передать внутреннее содержание, а не только внешнее сходство, она создавала цельный психологический образ, и это неудивительно, ведь она училась у самого Василия Шухаева. Брать уроки у Шухаева подсказал ей отец, Александр Петроковский, человек разносторонне одаренный – литератор, критик, журналист, он писал статьи об искусстве, какое-то время играл в театре, рисовал. В 1918-1919 гг. он работал в журнале «ARS», был редактором первых номеров журнала, который издавала писательница Анна Антоновская. Петроковскому посчастливилось жить в Тифлисе 1910-1920-х годов, когда художественная жизнь города была бурной, полной новизны. Здесь создавались многочисленные литературные объединения, как например, Товарищество Тифлиских футуристов в 1914 году, названное его создателем, Ильей Зданевичем Синдикатом футуристов, позднее переименованное в «41⁰»; объединение поэтов «Голубые роги», куда вошли поэты Тициан Табидзе, Паоло Яшвили и другие. После октябрьской революции Демократическая Республика Грузия стала оазисом, куда, спасаясь от репрессий, съехалась большая часть российской интеллигенции. Здесь жили и создавали свои произведения литераторы А.Крученых, Ю.Деген, С.Городецкий, художники М.Ларионов, С.Судейкин, С.Сорин, Е.Лансеро, И.Шарлемань, Л.Гудиашвили, Д.Какабадзе, А.Бажбеук-

Меликов, поляк З.Валишевский... О Валишевском Петроковский неоднократно писал, предсказывая ему большое будущее. «Его творчеству суждено приносить радость для души и глаз, - писал он, - не дай, только, бог остаться ему в Тифлисе». Валишевский бывал в семье Петроковских в их квартире на Дворцовой улице. Картина Валишевского «Дама в кресле» (портрет Елены Петроковской) была написана там. Всю свою жизнь Иоланта или, как ее называли, Елочка, смотрела на портрет матери, который украшал гостиную. Только в 1990 году она передала его Музею искусств Грузии. Эта работа считается лучшей из созданных Валишевским в Грузии. Слова Петроковского о блистательном будущем Зигмунта Валишевского оправдались, он вписал яркую страницу в польское искусство, живя уже в Польше.

Многие годы Иоланта старалась издать сборник статей отца и многие годы это было совершенно невозможно – в советские годы не принимали книги без включения в план издательства, а планы составлялись руководящей партийной верхушкой. После развала Союза появились десятки частных издательств, но теперь все упиралось в финансы, стало возможным печатать все что угодно, но платить из своего кармана, а карман у Елочки был пустой. И все-таки ценной неизменных усилий она издала «папину книгу», как она ее называла. Пусть не на лучшей бумаге, не с глянцевого обложкой, но факт – статьи об искусстве Александра Петроковского увидели свет с портретом Елены Петроковской на обложке.

Работая в реакциях газет «Заря Востока» и «Вечерний Тбилиси» Александр Петроковский, встречался и писал о многих выдающихся деятелях культуры и искусства, приехавших в Тбилиси, с многими из которых связи не прерывались. Это Генрих Нейгауз, Владимир Горовиц, Сергей Прокофьев, Давид Ойстрах, Сандро Ахметели, Котэ Марджанишвили, Константин Станиславский, Мариан Андерсон и многие другие. Его статьи об искусстве – это документы эпохи, документы культурной жизни Тбилиси первой половины XX века. Елочка

▲ И.Петроковская. «Натюрморт»

выросла в среде, где ценилась личность и достоинство человека. Она часто повторяла слова отца: «Если тебе тяжело и жизнь неприветлива, постарайся наперекор судьбе быть веселой и доброй, откинь неприятности, - смейся, смейся даже над своими болезнями и тебе будет лучше. Всегда оставайся честной, доброй, отзывчивой к людям, их горю и нужде. Это украсит твою жизнь, смягчит ее горести, наполнит светом весь твой духовный мир».

Такой и была дочь Александра Петроковского, принадлежавшего к передовой русской интеллигенции со своими твердыми моральными и гуманистическими устоями, к той интеллигенции, которую ссылали, расстреливали, которая несмотря на революции, голод, разруху оставалась кристально чистой. Эти основы стали правилом жизни Иоланты, до конца жизни не принявшей и не понявшей новую эпоху, новый век с его прагматизмом и техногенностью. Ее душа в ее картинах.

Генриетта ЮСТИНСКАЯ

И Я ТАМ БЫЛ...

Арчил МАНДЖГАЛДЗЕ – журналист, переводчик, автор двух книг, изданных на грузинском языке. Печатался в грузинских, российских и китайских изданиях. Публикуемые в нашем журнале рассказы содержатся в сборнике А.Манджгаладзе «И я там был...» - первой книге автора на русском языке (Тбилиси, 2012).

ГРУЗЧИК ТИМУР И ГРАВИТАЦИЯ

Мой старый сосед, потомок знаменитых мтацминдских, т.е. святогорских, грузчиков, езид Тимур, дворник, и хотя давно не занимается своим традиционным ремеслом, этот пожилой, тщедушный с виду человек может легко поднять и притащить тяжеленный дубовый шкаф с набережной к подножию фуникулера (говорят, если бы майский жук знал законы аэродинамики, он не смог бы летать – не помещается в параметры. Видимо, Тимур помогает незнание законов сил гравитации). Езидский муравей, как он называет себя, близко знаком с нынешними царедворцами: примерно половина предыдущего, гамсахурдиевского парламента и треть правительства учились в одном (или параллельном) классе с Тимуром. По той лишь простой причине, что Тимур ходил в 1-ю гимназию, и до исключения из школы за неуспеваемость по два года сидел в каждом классе нашего Итонского колледжа – традиционного поставщика руководящих кадров.

Тимур без устали трудится с зари до поздней ночи – подметает, чистит, скребет, таскает тяжести, мучается, однако ни за что не пойдет к своим бывшим однокашникам с какой-либо просьбой, несмотря на то, что живет бедно. Не потому, что ему откажут – в конце концов, что он может попросить – не пойдет, т.к. имеет гордость рабочего человека, и уже давно выбрал свой образ жизни. Недавно сказал мне, что его зять-рецидивист принес домой ворованный телик «Панасоник», и он выбросил его из окна. И хотя Тимур, видимо, все-таки подразумевал краденное, я все время подозреваю, что он выбросил зятя, так как в халупе дворника круглосуточно, не переставая, гремит телевизор.

2004 г.

P.S. Ушел из жизни Тимур. Не стало последнего из известных в прошлом тбилисских куртанщиков. Как не стало в свое время, задолго до этого, знаменитых кинто, карачохели, мастеровых из Авлабари, горожан, творивших неповторимый, неистребимый тифлиссский дух. Дух, который вдохнул городу преподобный Отец Давид, Мамадавити, сириец по происхождению.

Истинно грузинский дух!

2012 г.

НЕБЕСНАЯ АРИФМЕТИКА

Редко кто на этом свете не должен кому-либо денег, или не должны ему. Недавно, подсчитывая предполагаемые поступления и расходы, я решил вспомнить т.н. безвозвратные ссуды, т.е. одолженные знакомым суммы, на возвращение которых я уже давно махнул рукой. Со скрупулезной точностью припомнил, начиная с первого курса, сколько было отдано мной «до завтра» (получилась вполне приличная цифра, и я невольно подумал, что было бы очень кстати, если бы их вернули). Потом я вспомнил, как сам не вернул долг одному, другому... Главное, вспомнил до копейки, от кого сколько было мной взято и потом – не возвращено.

В таких случаях, даже в состоянии сильного опьянения, «совсем забыл» исключается. Можешь, надравшись, не узнать родного отца, но долг – у кого взял, сколько и на какой срок – точно откладывается в памяти.

Хотите верить, хотите нет – обе суммы точно совпали друг с другом. Я несколько раз проверял и получал один и тот же результат: сумма в рублях, купонах и лари, взятых в долг, как от меня, так и мной, с поразительной точностью была сбалансирована (здесь речь не идет о западной валюте: ее возвращение, как правило, регулируется, с одной стороны, уголовным правом и, с другой – уголовниками, ворами в законе).

Я знал и до этого, что природа во всем любит гармонию и равновесие, но как мог я предполагать, что Господь так строго следит за соблюдением платежной дисциплины в своем приходе?!

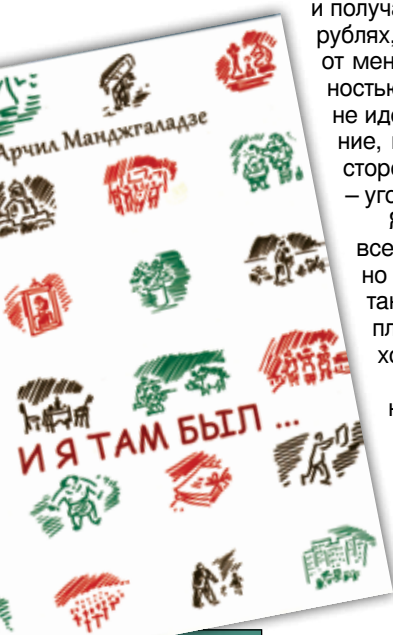
Что касается долгов перед близкими – родителями, членами семьи, друзьями – живыми или усопшими, расплата с долгом перед самыми дорогими нам людьми на этом свете, как правило, не успевается...

2004 г.

БУДЬ Я ПОМОЛОЖЕ!..

В отличие от ГСЭ, которую не волнует ни мнение ее читателей, ни шкала нравственных ценностей (например, уделяет Фрунзе в три раз больше места, чем грузинскому царю Мириану, провозгласившему в начале IV века христианство государственной религией, а Чубчику, художнику Тенгизу Мирзашвили, - в три раза меньше, чем простому перечню почетных званий и регалий иных вождеписцев), я считаю с чувствами своей немногочисленной аудитории. Первое издание книги, осуществленное мной в том возрасте, в котором исписавшиеся гении сводят счеты с жизнью, разошлось в пяти магазинах в количестве десяти экземпляров, еще 40 – было реализовано моим достойным другом архимандритом Елисеем среди своих сердобольных прихожан. Читателям же, у которых названные цифры могут вызвать улыбку, напомню, что это на десять экземпляров превышает первый тираж «Заратустры», насильно всученный Фридрихом Ницше своим приятелям и знакомым. Поэтому в важности описываемых мной событий можете не сомневаться.

Недавно захожу в магазин бытовой электротехники приобрести новый пылесос, и встречаю там друга детства, одноклассника Темали, забежавшего за электрическими лампочками. Пойдем ко мне, говорит Темали, в китайский ресторанчик, посидим, поговорим. Ему не пришлось долго меня упрашивать. Пойдем, отвечаю я, решив отложить покупку на потом. Приходим. Чисто, уютно, над столиками, огороженными бамбуковыми перегородками, висят оранжевые фонари и пурпурно-красные шары с кисточками, а у окна полупустого маленького зала, в плетеных креслах притомились три грации, довольно привлекательные, с раскосыми глазами, с веерами в руках и в кимоно с золотыми драконами, - местные кадры, не из Китая и даже не из Средней Азии. Мы с другом детства не мешкая – целую вечность не виделись – приступаем к делу: начинаем с рисовой водки, затем переходим на маисовую, потом пробуем «Красный рассвет», «Утреннюю росу», «Вечерний перезвон» и еще что-то, кажется, напиток из лепестков лилии, потом снова рисовую, и напоследок – жасминную настойку. Жасмин настраивает нас на воспоминания отрочества, незаметно ушедшей

молодости. Мы смеемся, и на наш смех лениво поворачивают головы девушки из Поднебесья, лица которых мне вначале показались знакомыми. Смотрят равнодушно, как сквозь стекло. Однако в этом холодном взгляде определенно присутствует также и момент оценки.

- Все-таки в женщинах Востока есть какой-то неповторимый шарм, - глубокомысленно заключаю я, и с видом знатока спрашиваю: - Эти девочки из Китая или с Формозы?

- Как же, девочки, - смеется Темали. - Одна из них праправнучка Мао, вторая – Го Можо, а третья... забыл, не могу вспомнить.

- Я серьезно спрашиваю.

- Если серьезно, то у этой, в желтом халатике, внук сидит в колонии для несовершеннолетних, она и вторая дама, та, что рядом, такая пухленькая, стоят по сто лари, а третья, худенькая, которая на тебя уставилась, идет за восемьдесят.

- Это как, за восемьдесят?! - восклицаю я с негодованием, так как третья, стройненькая китайночка, во сто крат лучше этих пухленьких, и должна цениться дороже, если только у них девушки не идут по весу.

- А вот так! Глухонемая она, с дефектом, глу-хо-не-ма-я!!!

У меня от такой вопиющей несправедливости перехватывает в горле.

- А при чем здесь это, она же здесь не декламацией занимается?

- Не знаю, дорогой, не знаю! Мне принадлежит только помещение; продукты и напитки привозят сами китайцы из Тяньцзиня, а женщин поставляет вон тот прыщавый тип, с Пекинской улицы, - указывает подбородком Темали на молодого парня, сидящего у стойки, который, шевеля толстыми губами, заполняет кроссворд. Мне становится обидно до боли – вдруг представляю себе, что все это происходит наоборот: мы вдвоем сидим в плетеных креслах, заходят женщины, выпивают, а затем, захмелев и, положив на нас глаз, справляются у сутенера, за сколько можно нас снять; и, услышав в ответ, что тот, маленький, лысый – это про Темали – стоит сто лари, а

второй, повыше, седой – про меня – идет за восемьдесят, женщины, уже на взводе, с изумлением переспрашивают: как так, этот высокий, седой – всего за восемьдесят? А нам он больше понравился. И этот кроссвордист, этот прыщавый подонок с ухмылкой отвечает: - Вот так! Он же с изъясном, заикается, поэтому и идет с двадцатипроцентной скидкой.

- Вот подонок, - думаю с негодованием: наверняка этот придурок копался в энциклопедии, когда заполнял кроссворд; а там написано: по горизонтали 10 – дефект речи, вызывающий торможение мыслительных способностей, и ответ нашел в книге – заикание! Твою мать...

Я смотрел на тоненькую глухонемую китайночку и сердце мое обливалось кровью: кто знает, быть может, она потеряла дар речи во время китайско-вьетнамской войны, как я – во время расстрела демонстрации 9 марта 56-го. Вах, если б не пылесос, не то что восемьдесят, а бы и сто восемьдесят не пожалел!

- Ну как, выбрал? Какую подозвать? - спрашивает у меня Темали.

- Никакую! - я моментально трезвею. - Я же говорил, у нас дома перегорел пылесос и я должен купить новый. Пойду, поищу, посмотрю, сколько останется денег, и позвоню. А ты тем временем поговори с этой худенькой. Скажи ей про меня, мол, когда выпьет, полностью утрачивает дар речи. Может, сбавит, из чувства коллегальности, - наказал я на прощание и вышел.

На ярмарке я толкался целых два часа, обошел все ларьки - искал маленький пылесосик, подешевле. Не нашел. В один момент я так расчувствовался, чуть было не купил платяную щетку, но под конец все-таки приобрел большой пылесос. Для дома!

Эх, будь я помоложе!..

Хотя, будь я помоложе, ни за что не пошел бы покупать пылесос – ни большой, ни маленький, а тем более – платяную щетку. И уж точно не стал бы паяться на платных проститутках, хоть китайнок, хоть инопланетянок!.. 2007 г.

Арчил МАНДЖГАЛДЗЕ

НЕЗАБВЕННЫЙ

Грузинское музыкальное искусство понесло невосполнимую утрату. Ушел из жизни народный артист Грузии Тенгиз Амираджиби, выдающаяся творческая личность, носитель благороднейших человеческих качеств, замечательный пианист и великий педагог.

Со смертью Гизи Амираджиби завершилась целая эпоха грузинского фортепианного искусства и музыкальной педагогики, получившая широкое международное признание.

Красивый и элегантный, истинный аристократ и в жизни, и на концертной эстраде, Тенгиз Константинович неизменно оставался воплощением самого пре-

▼ Тенгиз Амираджиби

▲ С любимыми учениками

красного и возвышенного, что связано с великим искусством музыки.

Т.Амираджиби – воспитанник тбилисской музыкальной школы-десятилетки и Московской консерватории, где он учился у замечательных музыкантов Анны Тулашвили, Константина Игумнова и Льва Оборина.

В течение многих лет он выступал на концертных сценах, восхищая нас исполнением произведений композиторов-классиков и романтиков, особенно Фредерика Шопена, где ему не было равных.

Особо следует отметить заслуги пианиста как первого исполнителя и пропагандиста многих новых сочинений грузинских композиторов. Сошлюсь лишь на замечательную Рондо-токкату Реваза Лагидзе, которая стала обязательной программной пьесой на Тбилиском международном конкурсе пианистов.

Среди воспитанников профессора Т.Амираджиби – пианисты, пользующиеся широкой известностью – прославленный Александр Корсантия и Элисо Болквадзе; лауреатами различных международных конкурсов являются проректор Тбилисской консерватории, музыкант широкого творческого и общественного профиля Манана Доиджашвили, талантливые пианисты Марина Надирадзе, Тамара Гуревич, Натия Астахишвили, Тамара Личели, Хатия Буниатишвили, Вахтанг Жордания, Ирма Гигани и другие.

С Тенгизом Константиновичем Амираджиби меня связывали многолетняя дружба и творческое общение, одарившие незабываемыми воспоминаниями и яркими художественными впечатлениями.

Прощай, дорогой Гизи! Твое имя навсегда вписано в грузинское музыкальное искусство и останется в памяти всех, кто имел счастье знать и общаться с тобой.

Гулбат ТОРАДЗЕ

1512-2972